

Александр Николаевич Островский

Сердце не камень

Александр Николаевич Островский
Сердце не камень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118790

**Александр Николаевич
Островский
Сердце не камень**

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Потап Потапыч Каркунов, богатый купец, старик.

Вера Филипповна, жена его, 30 лет с небольшим.

Исай Данилыч Халымов, подрядчик, кум Каркунова.

Аполлинария Панфиловна, его жена, за 40 лет.

Константин Лукич Каркунов, племянник Потапа Потапыча, молодой человек.

Ольга Дмитриевна, его жена, молодая женщина.

Ераст, приказчик Каркунова, лет 30-ти.

Огуревна, ключница, старуха.

Иннокентий, странник.

В доме Каркунова, в фабричной местности, на самом краю Москвы. Жилая комната купеческого дома, представляющая и семейную столовую, и кабинет хозяина, в ней же принимают и гостей запросто, то есть родных и близких знакомых; направо (от актеров) небольшой письменный стол, перед ним кресло, далее железный денежный сундук-шкаф, вделанный в стену; в углу дверь в спальню; с левой стороны диван, перед ним круглый обеденный стол, покрытый цветной салфеткой, и несколько кресел; далее большая горка с серебром и фарфором; в углу дверь в парадные ком-

наты; в глубине дверь в переднюю; с правой стороны большой комод, с левой – буфет; вся мебель хотя не модная, но массивная, хорошей работы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огуревна стоит, подперши щеку рукой. Входят Константин и Ольга.

Константин. Огуревна, что ты тут делаешь?

Огуревна. Самоё дожидаясь насчет самовара.

Константин. А где ж она, сама-то, где дяденька?

Огуревна. В зале сидят; залу растворить велели и чехлы все с мебели давеча еще снимали.

Константин. Что за праздник такой? Кажется, такие параты у нас раза три в год бывают, не больше.

Огуревна. С гостями сидят.

Ольга. С какими гостями?

Огуревна. Аполлинария Панфиловна с Исай Данилычем приехали; за ним давеча нарочно посылали.

Константин (Ольге). Поняла?

Ольга. Ничего не понимаю.

Константин. Завещание.

Ольга. Какое завещание?

Константин. Дяденька давно собирались завещание писать, только хотели посоветоваться с Исаем Данилычем, так как он подрядчик, с казной имел дело и, значит, все законы

знает. А мы с дяденькой никогда понятия не знали, какие такие в России законы существуют, потому нам не для чего.

Огуревна. Да, да, писать что-то хотят – это верно; у приказчика Ераста карандаш и бумагу требовали.

Константин (*Ольге*). Слышишь?

Ольга. Ну, так что ж?

Константин. Не твоего ума дело. Огуревна, поди скажи дяденьке, мол, Константин Лукич желает войти, так можно ли?

Огуревна. Хорошо, батюшка. (*Уходит налево.*)

Ольга. Зачем ты пойдешь?

Константин. Разговаривать буду.

Ольга. В таком-то виде?

Константин. Я всегда умен, что пьяный, что трезвый; еще пьяный лучше, потому у меня тогда мысли свободнее.

Ольга. Об чем же ты будешь разговаривать?

Константин. Мое дело. Обо всем буду разговаривать. Никакого завещания не нужно; дяденька должен мне наследство оставить; я единственный... понимаешь... И потому еще, что я, в надежде на дяденькино наследство, все свое состояние прожил.

Ольга. А кто тебе велел?

Константин. Не разговаривай! Если дяденька мне ничего не оставит, мы должны будем в кулаки свистеть, и я даже могу попасть в число несостоятельных, со всеми последствиями, которые из этого проистекают.

Входит Огуревна.

Огуревна. Пожалуйте!

Ольга. И я с тобой пойду.

Константин (*отстраняя жену*). Марш за шлам-баум!

Нечего тебе там делать. Разговор будет умственный. Тетенька и Аполлинария Панфиловна должны сейчас сюда прийти: либо их попросят вон, либо они сами догадаются, что при нашем разговоре они ни при чем, а только мешают; потому это дело на много градусов выше женского соображения. (*Уходит налево.*)

С той же стороны входят Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, Ольга и Огуревна.

Вера Филипповна. Здравствуй, Оленька!

Аполлинария Панфиловна. Здравствуй, Оленька!

Вера Филипповна. Садиться милости прошу, гости дорогие!

Огуревна. Матушка Вера Филипповна, чай-то сюда прикажете подавать аль сами к самоварчику сядете?

Вера Филипповна. Да он готов у тебя?

Огуревна. В минуту закипит, уж зашумел.

Аполлинария Панфиловна. А ты ему шуметь-то мно-

го не давай, другой самовар ворчливее хозяина, расшумится так, что и не уймешь.

Вера Филипповна. Сейчас придем, Огуревна.

Огуревна уходит.

Я поджидаю, когда сам выдет.

Аполлиария Панфиловна. Что это вы, Вера Филипповна, точно русачка из Тележной улицы, мужа-то «сам» называете!

Ольга. Тетенька всегда так.

Вера Филипповна. Мы с Потап Потапычем люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно. Как его ни называй: муж, хозяин, сам, – все он большой в доме.

Аполлиария Панфиловна. Ну, нет, разница. «Хозяин» – уж это совсем низко, у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет; а и «сам» тоже разве уж которые еще в платочках ходят.

Ольга. А кто нынче в платочках-то ходит! Все и лавочницы давно шляпки понадели.

Аполлиария Панфиловна. Нынче купчихи себя высоко, ох, высоко держат, ни в чем иностранкам уступить не хотят... снаружи-то.

Вера Филипповна. Слышала я, по слуху-то и я знаю, что ж мудреного. Люди людей видят, один от другого занимаются. Только я одна пятнадцать лет свету божьего не вижу, так мне и заняться не от кого, что это Потап Потапыч с Исаем

Данилычем затолковались!

Аполлиария Панфиловна. Стало быть, дело есть. Разве не слышали?

Вера Филипповна. Ничего не слыхала.

Ольга. Напрасно вы, тетенька, скрываете от нас; мы и сами довольно хорошо знаем.

Аполлиария Панфиловна. Мне Исай Данилыч говорил.

Вера Филипповна. А мне Потап Потапыч ничего не сказывал.

Аполлиария Панфиловна. По заслугам и награда.

Ольга. Отчего ж не награждать, коли кто чего стоит; всякий волен в своем добре; только и других тоже обижать не нужно.

Вера Филипповна. Зачем обижать! Сохрани бог! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

Аполлиария Панфиловна. Завещание пишут, Вера Филипповна, завещание.

Вера Филипповна (*с испугом.*) Завещание? Какое завещание, зачем? Потап Потапыч на здоровье не жалуется; он, кажется... слава богу.

Аполлиария Панфиловна. Осторожность не мешает, в животе и смерти бог волен. А ну, вдруг... Значит, надо вперед подумать да успокоить, кого любишь. Вот, мол, не сомневайтесь, все вам предоставляю, всякое счастье, всякое удовольствие.

Ольга. Как же, тетенька, неужели ж вы этого не ожидали?

Вера Филипповна. Не ожидала, да и не думала никогда.

Аполлинаруия Панфиловна. Как, чай, не думать! Разве вы богатству не рады будете?

Вера Филипповна. Нет, очень рада.

Аполлинаруия Панфиловна. Ну, еще бы!

Вера Филипповна. Я много бедным помогаю, так часто не хватает; а у Потапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мне бы рай, а не житье.

Входит Огуревна.

Огуревна. Я, матушка, насчет варенья.

Вера Филипповна. Сейчас приду.

Огуревна уходит.

Извините, гости дорогие! (*Уходит.*)

Ольга. «Для бедных»! Рассказывай тут! И мы люди небогатые.

Аполлинаруия Панфиловна. Надо ей говорить-то что-нибудь!

Входит Вера Филипповна.

Вы говорите, что не думали о богатстве? Да кто ж этому поверит! Не без расчета ж вы шли за старика. Жили бы в бедности...

Вера Филипповна. Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много ли у нас, в купечестве, девушек по любви-то выходят? Всё больше по расчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумают, разочтут и выдадут, вот

и все тут. Маменька все сокрушалась, как ей быть со мной при нашей бедности; разумеется, как посватался Потап Потапыч, она обеими руками перекрестилась. Разве я могла не послушаться маменьки, не утешить ее!

Аполлиария Панфиловна. Послушались маменьку и полюбили богатого старичка.

Ольга. Как богатого не полюбить! Да я бы сейчас...

Вера Филипповна. Богатого трудней полюбить. За что я его буду любить! Ему и так жить хорошо. Бедного скорей полюбишь. Будешь думать: «Того у него нет, другого нет», — станешь жалеть и полюбишь.

Аполлиария Панфиловна. Уж на маменьку только слава; чай, и сами были не прочь за Потапа Потапыча идти. Всякому хочется получше пожить, особливо кто из бедности.

Вера Филипповна. «Получше пожить». Да жила ли я, спросите! Моей жизни завидовать нечему. Я пятнадцать лет свету не видала; мне только и выхода было, что в церковь. Нет, виновата, в первую зиму, как я замуж вышла, в театр было поехали.

Аполлиария Панфиловна. Да не доехали, что ли?

Вера Филипповна. Нет, хуже.

Аполлиария Панфиловна. Смешнее?

Вера Филипповна. Кому как. Только что я села в ложу, кто-то из кресел на меня в трубку и посмотрел; Потап Потапыч как вспылил: «то, говорит, он глаза-то пялит, чего не ви-

дывал! Сбирайся домой!» Так и уехали до начала представления. Да с тех пор, вот уж пятнадцатый год, и сижу дома. Я уж не говорю о театрах, о гуляньях...

Ольга. Как, тетенька, неужели же ни в Сокольники, ни в парк, ни в Эрмитаж?..

Вера Филипповна. Какие Сокольники, какой Эрмитаж! Я об них и понятия не имею.

Ольга. Однако, тетенька.

Аполлинария Панфиловна. Да, уж нынче таких антиков немного, чтоб Сокольников не знать.

Вера Филипповна. Ну, да уж так и быть. Сначала-то и горько было, и обидно, и до смертной тоски доходило, что все взаперти сижу; а потом, слава богу, прошло, к бедным привязалась; да так обсиделась дома, что самой страшно подумать: как это я на гулянье поеду? Да уж бог с ними, с гуляньями и театрами. Говорят, там соблазну много. Да ведь на белом свете не все ж дурное, есть что-нибудь и хорошее, я и хорошего-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то как лес; пусти меня одну, так я подле дома заблужусь. Твердо дорогу знаю только в церковь да в баню. И теперь, как выеду, так словно дитя малое, на дома да на церкви люблюсь: всё-то мне в диковину.

Ольга. Все ж таки выезжали куда-нибудь?

Вера Филипповна. Выезд мой, милая, был раза два-три в год по магазинам за нарядами, да и то всегда сам со мной ездил. Портниха и башмачник на дом приходят. Мех пона-

добиться, так на другое утро я еще не проснулась, а уж в зале по всему полу меха разостланы, выбирай любой. Шляпку захочу, так тоже мадам полную карету картонов привезет. О вещах дорогих и говорить нечего: Потап Потапыч чуть не каждую неделю возил то серьги, то кольцо, то брошку. Хоть надевать некуда, а все-таки занятие: поутру встану, переберу да перегляжу всё – время-то незаметно и пройдет.

Аполлиария Панфиловна. Сидели дома с Потап Потапычем да друг на друга любовались, что ж, любезное дело!

Вера Филипповна. И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, как Потап Потапыч стал здоровьем припадать, так иной день и дома просидит; а прежде по будням я его днем-то и не видала. Из городу в трактир либо в клуб, и жди его до трех часов утра. Прежде ждала, беспокоилась; а потом уж и ждать перестала, так не спится... с чего спать-то! А по праздникам: от поздней обедни за обед, потом отдохнет часа три, проснется, чаю напьется: «Скучно, говорит, с тобой. Поеду в карты играть». И нет его до утра. Вот и сижу я одна; в окна-то у нас, через сад, чуть не всю Москву видно, сижу и утро, и вечер, и день, и ночь, гляжу, слушаю. А по Москве гул идет, какой-то шум, стучат колеса; думаешь: ведь это люди живут, что-нибудь делают, коли такой шум от Москвы-то.

Аполлиария Панфиловна. Житейское море волнуется.

Вера Филипповна. Думала приемыша взять, сиротку, чтоб не так скучно было; Потап Потапыч не велит.

Аполлиария Панфиловна. Сироту взять, так веселее будет.

Вера Филипповна. Только чтоб не самого крошечного, не грудного

Аполлиария Панфиловна. Нет, зачем. Так лет двадцати пяти, кудрявенького. От скуки приятно.

Вера Филипповна. Ах, что вы, как вам не стыдно! Без шуток вам говорю, помешаться можно было. Как я тогда с ума не сошла, так это дивиться надо.

Аполлиария Панфиловна. Старики уж всегда ревнивы.

Вера Филипповна. Да что меня ревновать-то! Я в пятнадцать лет не взглянула ни разу на постороннего мужчину. В чем другом не похваюсь, а этого греха нет за мной, чиста душа моя.

Аполлиария Панфиловна. Ну, не говорите! Испытания не было, так и греха нет. Враг-то силен, поручиться за себя никак нельзя.

Ольга. Это правда, тетенька. Вы по вечерам и по балам не ездите, а посмотрели бы там, какие мужчины бывают. Умные, ловкие, образованные, не то, что...

Аполлиария Панфиловна. «Не то, что мужья наши». Ай, Оленька! Вот умница! А ведь правду она говорит: пока не видишь других людей, так и свои хороши кажутся; а как сравнишь, так на свое-то и глядеть не хочется.

Вера Филипповна. Что вы, что вы! Как вам не грех!

Ольга. Да ведь мы, тетенька, не слепые. Конечно, обязанность есть наша любить мужа, так ее исполняешь; а ведь глаза-то на что-нибудь даны. Что невежа и дурак, а что образованный человек, разобрать-то не хитрость.

Аполлиария Панфиловна. Не видали вы настоящих-то мужчин, так хорошо вам разговаривать. И первый человек греха не миновал, да и последний не минует. Грех сладок, а человек падок.

Вера Филипповна. Ну, и слава богу, что смолоду искушения не было; а уж теперь и бояться нечего, мое время прошло.

Аполлиария Панфиловна. Какие ваши года! Мне и под пятьдесят лет, да я за себя не поручусь.

Ольга. Я, кажется, до семидесяти лет влюбляться буду. А то и жить-то незачем, какой интерес! А тут вдруг как-то тепло на душе. А то какая наша жизнь? Пей, ешь да спи!

Аполлиария Панфиловна. Я тоже не люблю, чтоб без занятия. Уж само собой, не любовь, – где уж! Хоть и не заикаюсь. А чтоб были мне хлопоты: или сватать, или когда молодая женщина запутается, так поучишь ее, как из беды вынырнуть, мужу глаза отвести.

Ольга. Да что, в самом деле, тетенька, мы не люди, что ли! Посмотрите-ка, что мужчины-то делают, какую они себе льготу дают! что они бояться, аль стыдятся чего! Какая только придет им в голову фантазия, все и исполняют. А от нас требуют, чтоб не только мы закон соблюдали, а в душе и по-

мышлении непорочность имели. Как еще они, при своей такой безобразной жизни, смеют от нас чего-то требовать! Да возьми такой муж в самом деле-то хорошую да благородную девушку, так она через три дня плюнет на него да убежит куда глаза глядят.

Аполлиария Панфиловна. Недавно замужем, а как разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

Ольга. Раскусишь. Я шла замуж-то, как голубка была, а муж меня через неделю по трактирам повез арфисток слушать; сажал их за один стол со мной, обнимался с ними; а что говорили, так у меня волосы дыбом подымались!

Вера Филипповна. Я такие речи в первый раз слышу.

Аполлиария Панфиловна. Да вольно ж вам людей-то дичиться. Вы уж спесивы очень. Пожаловали бы когда к нам запросто или меня к себе приглашали почаще; угощенья для меня особенного не нужно; был бы чай да бутылка мадеры – вот и все.

Вера Филипповна. Нет, где уж мне по гостям! Я одичала очень, мне и людей-то видеть тяжело. И раз-то в год выедешь, так час просидишь в гостях, уж там и скучно, домой тянет.

Ольга. Теперь не прежнее время, не взаперти живете; вот бы и начали выезжать понемножку, привыкать к людям.

Вера Филипповна. Разница-то невелика: прежде взаперти жила, а теперь сама уселась дома. Вот только одно мое удовольствие – по монастырям стала ездить: в Симонов, в

Новоспасский, в Андроньев.

Аполлиария Панфиловна. Раненько за богомолье-то принялись.

Вера Филипповна. Да хорошо там очень: когда небольшой праздник, там народу немного, тихо таково, просторно, поют хорошо. Выдешь за ограду, по бульварчику походишь, на Москву поглядишь, старушек богомолков найдешь, с ними потолкуешь.

Входит Огуревна.

Что ты?

Огуревна. Сумлеваюсь насчет лимону.

Вера Филипповна. Я сейчас, гости дорогие. (*Уходит с Огуревной.*)

Аполлиария Панфиловна. По монастырям стала ездить! Надо подсмотреть за ней; в самом деле, нет ли сироты какого.

Ольга. Нет, не похоже.

Аполлиария Панфиловна. Смотри ей в зубы-то! Я очень тихим-то не верю. Знаешь пословицу: «в тихом омуте...»?

Входит Вера Филипповна.

Вера Филипповна. Сюда прикажете чай подать или туда пойдете? Сюда и мужчины придут; вон, кажется, Потап Потапыч подвигается.

Аполлиария Панфиловна. Лучше мы к самовару присоединимся; я не люблю с мужчинами-то, не привыкли мы

вперемешку-то. Простору нет, разговор не тот; я в разговоре свободна, стеснять себя не люблю. Мужчины врут сами по себе, а мы сами по себе, и им свободней, и нам вольней. Любезное дело! А вместе одна канитель, а не разговор. Я с прибавлением люблю чай-то пить; неравно при мужчинах-то невзначай лишнее перельешь, так и совестно.

Вера Филипповна. Как вам угодно. Пожалуйте!

Уходят Аполлинария Панфиловна, Ольга, Вера Филипповна. Входят Каркунов (в руках бумага и карандаш), Халымов, Константин Каркунов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Каркунов, Халымов и Константин Каркунов.

Константин. Помилуйте, дяденька!.. К чему, к чему?..

Ни к чему это не ведет.

Каркунов. Помолчи ты, помолчи! (*Халымову.*) Ах, кум ты мой милый, вот уж спасибо, вот уж спасибо!

Халымов. Да за что?

Каркунов. Как за что? Я тебе шепнул: «Приезжай, мол», – а ты и приехал.

Халымов. Да чудак: зовешь в гости, как не поехать! От хлеба-соли кто же отказывается!

Каркунов. Да я еще тебя хлебом-то не кормил. Я, как ты приехал, так за дело тебя; говорю: «Помоги!..»

Халымов. Да какое дело-то! Гроша оно медного не стоит;

эка невидаль, завещание написать! Было б что отказывать; а коли есть, так нехитро: тут все твоя воля, что хочешь, то и пиши!

Каркунов. Нет, ты не говори! Вот у нас тут по соседству адвокатишка проживает, такой паршивенький; а и тот триста рублей просит.

Халымов. Еще мало запросил. Вольно ж тебе за адвокатами посылать.

Константин. Да помилуйте! Коли есть единственный... так к чему? Одни кляузы!

Каркунов. Погоди! Ты помолчи, помолчи.

Халымов. Взял лист, и пиши!

Каркунов. «Пиши», ишь ты! что я напишу, что я знаю! Как напьемся хорошенько, так «мыслете» писать наше дело; а перо-то возьмешь, так ведь надо, чтоб оно слушалось. А коли не слушается, так что ж ты тут! Ничего не поделаешь.

Халымов. А ты его возьми покрепче в руки-то, да и пиши спервоначалу с божьего благословения: во имя, а прочее...

Каркунов. Так, так, с божьего благословения; нельзя без этого, это уж первое дело. (*Константину.*) Ты незванный пришел, так вот тебе бумага и карандаш. Пиши! (*Отдает бумагу и карандаш.*) Пиши, что сказано.

Константин. Да позвольте! Коли я единственный...

Каркунов. Молчи, молчи!

Константин садится к столу.

Что ему писать-то?

Халымов. Потом пиши: «Во-первых...»

Каркунов. Константин, пиши: «Во-первых...»

Халымов. «Поручаю душу мою богу...»

Каркунов (*вздыхая*). Ох, ох! Да, да.

Константин пишет.

Халымов. «А грешное тело мое предать земле по христианскому обряду».

Каркунов. По христианскому, по христианскому, да, да, по христианскому, чтоб уж как следует.

Халымов. Теперь насчет певчих... Каких тебе будет приятнее: чудовских или нешумовских?

Каркунов. Чудовских приятнее, друг ты мой любезный, приятнее.

Халымов. Ну, и пиши «чудовских».

Каркунов. Константин, запиши: «чудовских!»

Халымов. Теперь покров на гроб... хочешь парчовый, хочешь глазетовый. Нынче этот товар до тонкости доведен, в Париже на выставке был.

Каркунов. Над этим задумываешься, кум, задумываешься.

Халымов. Да как не задумываешься; дело большого рассудка требует. А ты вели принести образчиков, да который тебе к лицу, тот и обозначь; узорчик повеселей выбери. Да вот еще забыли, прежде всего надо: «Находясь в здравом уме». Что забыли-то! Да и вправду, в здравом мы уме аль нет?

Каркунов. В здравом, в здравом, куда хочешь. Константин, поставь впереди: «В здравом уме».

Константин. Ну, уж сомневаюсь!

Каркунов. Пиши, пиши, не твое дело!

Халымов. «И твердой памяти».

Каркунов. Ну, насчет памяти... против прежнего не то.

Халымов. Да ведь помнишь всех, кто тебе должен?

Каркунов. Всех, всех, всех.

Халымов. Значит, твердая. Может быть, забываешь, кому сам должен? Так не беда, напомнят. Ну, главное дело кончено, теперь уж пустяки. Вот пиши: «Любезной супруге моей, Вере Филипповне, за ее любовь ко мне и всегдашние попечения...»

Каркунов. Да, да, всегдашние попечения.

Халымов. Ну, там что знаешь.

Каркунов. Пиши, Константин: «Все движимое и недвижимое имение и миллион денег».

Константин. Да позвольте, дяденька...

Каркунов. Молчи, молчи! Стоит, стоит, больше стоит.

Халымов. Уж это твое дело.

Каркунов. Больше стоит, больше стоит. Только вот что, кум, ох...

Халымов. Что случилось?

Каркунов. Оставлю я ей миллион, а она с моими деньгами-то замуж либо любовника.

Халымов. Да тебе-то что за дело! Уж там как знает, как ей лучше.

Каркунов. Нет, так нельзя, так нельзя: мои деньги-то.

Она выйдет замуж, да еще подсмеется с мужем-то над стариком.

Халымов. Да и подсмеются, ничего не поделаешь.

Каркунов. Нет, вот как: любезной супруге моей, Вере Филипповне, коли не выйдет она замуж и не заведет любовника, миллион.

Халымов. Нельзя так написать-то, кум.

Каркунов. Отчего, кум?

Халымов. Скажут, что не в здравом рассудке.

Каркунов. Так мы этого писать не будем, не осраим себя, кум, не осраим. А вот что: я велю ей образ со стены снять да побожиться. Так, кум?

Халымов. Так, так. Да ведь и она не глупа, она образ-то, на котором божилась, повернет к стене либо вовсе из комнаты вынесет, чтобы свидетелей не было; да и сделает, что хочет.

Каркунов. Опять беда! Вот горе-то мое, горе!

Халымов. Ну, как не горе! Всю жизнь мучил жену, хочешь и после смерти потиранить, да никак не придумаешь. Да она честно жила с тобой?

Каркунов. Честно, честно. Что тут говорить – святая!

Халымов. Всякий твой каприз, всякую блажь исполняла?

Каркунов. Исполняла, исполняла.

Халымов. Стоит это чего-нибудь?

Каркунов. Стоит, стоит, как не стоять!

Халымов. Ну, чего это стоит, то ты и дай ей; да уж и не

печалься больше, пусть живет, как сама знает.

Каркунов. Нет, мало, мало. (*Константину.*) Да что тут! Пиши, без всяких условий, миллион.

Константин. Уж это, дяденька, даже довольно глупо, позвольте вам сказать.

Каркунов. Ты молчи! Ты должен к дяде со всяким уважением.

Константин. Я со всяким уважением; а ежели что не умно, так поневоле скажешь «глупо».

Халымов. Пойдем дальше помаленьку! Теперь племяннику... «Племяннику моему, Константину Лукичу Каркунову, за его почтительность и хорошее поведение...»

Каркунов. Пиши, Константин: «Племяннику моему...»

Константин. Написал.

Каркунов. Вся моя торговля, фабричное заведение, опричь стен, товары, векселя и миллион денег.

Константин. Я так понимаю, что это только одна шутка с вашей стороны.

Каркунов. Только чтоб он вечно поминал меня, а свое пьянство и безобразие оставил.

Константин. Безобразием-то, дяденька, мы вместе занимались; ежели я и пьянствовал, так для вашего удовольствия.

Каркунов. И чтоб всю жизнь он чувствовал.

Халымов. Опять ты с чувствами! А если он чувствовать не будет?

Каркунов. Тогда деньги отобрать.

Халымов. Нет, ты эти аллегии брось! Никто такого твоего завещания не утвердит.

Константин. Оставьте! Пущай не утвердят; тем лучше, все мне и достанется.

Каркунов. Ишь ты какой ловкий! Пиши: миллион! Миллион тебе – вот и все.

Константин. Одна только прокламация, больше ничего.

Халымов. Ну, еще что? Кому еще соблаговолишь?

Каркунов. Приказчику моему, Ерасту... Пиши: ему десять тысяч! Давай бумагу, ступай! Об остальном без тебя порешим.

Константин. Ну, дяденька, не ожидал. Кажется, знаете, какой я человек! Можно довериться без сумления. Стоит вам приказать словесно: выдай тому столько-то, тому столько-то – в точности исполню. Наследник у вас один я, а вы какую-то моду выдумали – завещание писать. Смешно даже.

Каркунов. Ну, хорошо, хорошо, ступай! Обижен не будешь.

Константин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Каркунов и Халымов.

Каркунов (*осмотрел все двери*). Ну, кум, вот уж теперь ты мне помоги, в ножки поклонюсь! Возьми бумажку-то! (*Подает бумагу, писанную Константином.*) Захерь, всю за-

херь! Да напиши ты мне все завещание снова! При племяннике я правды-то говорить не хотел.

Халымов. А в чем твоя правда-то?

Каркунов. Грешный я, ах, какой грешный человек! Что грехов, что грехов! Что неправды на душе, что обиды людям, что всякого угнетения!

Халымов. Ну, так что же?

Каркунов. Так надо, чтоб за мою душу много народу молилось; выкупать надо душу-то из аду кромешного.

Халымов. Как же ты ее выкупишь?

Каркунов. А вот как: ни жене, ни племяннику ничего, так разве малость какую. На них надежда плоха, они не умолят. Все на бедных, неимущих, чтобы молились. Вот и распиши! Ты порядок-то знаешь: туда столько, в другое место столько, чтобы вечное поминовение, на вечные времена... на вечные. А вот тебе записочка, что у меня есть наличными и прочим имуществом. *(Достает из кармана бумажку и подает Халымову.)*

Халымов. Ого! Сколько у тебя наличных-то! Где же ты их держишь?

Каркунов. Дома, кум, вон в шкапу.

Халымов. Ты живешь в захолустье, кругом пустыри; налетят молодцы, так увезут у тебя деньги-то и с твоим дорогим шкапом вместе.

Каркунов. Не боюсь, кум, нет. Нынче, кум, люди-то умны, говорят, стали; так и я с людьми поумнел. Вот видишь

две пуговки! (*Показывает две пуговки подле шкафа*). Электрический звонок! А? Умственная штука, кум, умственная штука! Одну пуговку нажму – все молодцы и дворники тут, а другую – сто человек фабричных через две минуты здесь будут.

Халымов. Ну, кум, задал ты мне задачу!

Каркунов. Сделай милость! Будь друг! Трепещу, трепещу, что грехов-то, что грехов-то, что всякого окаянства!

Халымов. Как же ты жену-то обидишь, за что?

Каркунов. Да, да... жена у меня душа ангельская, голубица чистая. Как подумаю, кум, про нее, так слезы у меня. Вот видишь, слезы. Заморил я ее, всю жизнь загубил... Да что же... Мое ведь... кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вот еще приказчик... Я у приятеля сыночка взял, обещал в люди вывести, наградить... а не вывел. И жалованье-то платил малое, все посулами проводил... И об нем тоже, видишь, плачу. Только у меня дорогого-то, что жена да приказчик; а душа все-таки дороже... Можно ему что-нибудь из платья... шубу старую... Так и напиши!

Халымов. Напишу, что с тобой делать! Только будет ли польза душе-то?

Каркунов. Будет, будет; с умными людьми советовался, с благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочам, в раздачу нищей братии, по гривне сто тысяч, по пятаку триста.

Халымов. Это хорошо, это по крайности целиком в казну поступит; казне деньги нужны.

Каркунов. Как, кум, в казну?

Халымов. Через акцизное управление. Питейные заведения заторгуют хорошо.

Каркунов. Ну, что ж, пушай! Все-таки каждый перед ста- каном-то помянет добрым словом.

Халымов. Перед первым помянет, а на другой не хватит денег, так тебя ж и обругает.

Каркунов. Ничего, нужды нет; хоть раз перекрестится да вздохнет на образ, все-таки душе-то легче. (*Растворяет двери.*) Вера Филипповна, Костя!.. А! И ты, Ераст, здесь! Войдите, войдите!

Входят Вера Филипповна, Константин, Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Каркунов, Халымов, Вера Филипповна, Константин и Ераст.

Каркунов. Ну, супруга любезная, ну, племянничек дорогой, и ты, Ераст! молитесь богу, молитесь богу! Всех, всех наградил, всю жизнь поминать будете.

Вера Филипповна. Благодарю покорно, Потап Потапыч! Не надо мне ничего; а коли ваша такая любовь ко мне, так за любовь вашу я должна вас поминать всегда и всегда за вас богу молить.

Ераст. Покорно благодарю, Потап Потапыч, что труды мои цените, даже сверх заслуг.

Константин. Извините, дяденька, мне благодарить не за что. Конечно, на все ваша воля, а коли рассудить правильно, так и без того все мое.

Каркунов. А коли твое, так твое и будет; никого не обижу, никого.

Вера Филипповна. Сюда чай прикажете или к нам пожалуете?

Каркунов. Пойдем, кум, к бабам, пойдем балагурить, зубы точить.

Уходят Каркунов и Хальмов.

Вера Филипповна. Пожалуйте! Константин Лукич, Ераст... приходите!

Константин. Увольте, тетенька, мы не желаем.

Вера Филипповна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Константин и Ераст.

Константин. Ну, Ераст, дело – табак.

Ераст. О чем твой разговор и как его понимать?

Константин. Нам с тобой зубы на полку.

Ераст. Почему так полагаешь?

Константин. Все тетке – шабаш!

Ераст. Что ж, послужим и ей.

Константин. Не придется.

Ераст. Отчего ж не служить, мы не хуже людей?

Константин. Ты думаешь, она при миллионах-то с фабриками да с торговлей путаться будет? Как же, очень ей нужно! Оборотит все в деньги да замуж за благородного.

Ераст. Пожалуй; мудреного нет.

Константин. А мы с тобой на бобах останемся.

Ераст. Так неужто ж вся моя служба задаром пропадет?

Константин. А ты благодарности ждешь?.. От дяди-то? Жди, жди! Он не нынче, так завтра тебя по шапке скомандует.

Ераст. За что про что?

Константин. Здорово живешь. К расчету ближе. Ты, по своим трудам, стоишь много, а ему жаль тебе прибавить; ну, известное дело, придерется к чему, расшумится, да и прогонит. У них, у хозяев, одна политика-то.

Ераст. Однако призадумаешься. Надо место искать.

Константин. погоди! Ты вспомни, чему я тебя учил.

Ераст. Насчет чего?

Константин. Насчет амуров.

Ераст. Эх! Будет тебе глупости-то!

Константин. Одно твое спасенье.

Ераст. Не такая женщина; приступу нет.

Константин. Ну, плох же ты, брат!

Ераст. Кто плох? Я-то?.. Кабы ты знал, так не говорил бы, что я плох. Я свое дело знаю, да ничего не поделаешь. Первым делом, надо женщину хвалить в глаза; таким манером какую хочешь донять можно. Нынче скажи – красави-

ца, завтра – красавица, она уши-то и распустит, и напевай ей турусы на колесах! А уж коли стала слушать, так заговорить недолго.

Константин. Так бы ты и действовал.

Ераст. Я и действовал, да она меня только одним взглядом так ошибла, ровно обухом, насилу на ногах устоял. Нет, я теперь на другой манер.

Константин. Какая статья?

Ераст. Она у нас сердобольная, чувствительная, так я на жалость ее маню, казанским сиротой прикидываюсь.

Константин. Действует?

Ераст. Кажется, подействовало; уж полдюжины голландских рубашек получил вчера. От кого ж как не от нее! Она все так-то, втайне благодетельствует.

Константин. Ну, и действуй в этом направлении. Затягивай ее мало-помалу; потом свиданье где-нибудь назначь либо к себе замани.

Ераст. Ну, хотя бы и так, да тебе-то какая польза от всего этого?

Константин. Ах, простота! Я подстерегу вас, да и укажу дяде: вот, мол, посмотри, кому ты миллионы-то оставляешь!

Ераст. Однако ловко! Да что ты дурака, что ль, нашел?

Константин. погоди! Что болтаешь зря, не разобравши дела! Ты слушай да понимай! Тебя все равно дня через два-три дядя прогонит, уж он говорил, так что тебе жалеть-то себя! Так, ни с чем уйдешь; а коли мне, через твою услугу,

дядино состояние достанется, так я тебя озолочу.

Ераст. Рассказывай! Тебе поверишь, так трех дней не проживешь!

Константин. Это точно, это ты правду говоришь. И не верь мне на слово никогда, я обману. Какое я состояние-то ухнул – отобрали все. А отчего? Оттого, что людям верил. Нет, уж теперь шабаш; и я людям не верю, и мне не верь. Ты на совесть мою, пожалуйста, не располагайся; была когда-то, а теперь ее нет. Это я тебе прямо говорю. Бери документ! Хочешь две-три тысячи, ну, хочешь пять?

Ераст. Да что с тебя возьмешь по документу-то?

Константин. Само собой, что теперь ничего; а как оставит дядя наследство, получишь все и с процентами.

Ераст (*подумав*). Вот что, слушай! Которое ты дело мне сейчас рекомендуешь, довольно оно подлое. Пойми ты! Довольно подлое.

Константин. Да разве я говорю тебе, что оно хорошее? И я так считаю, что оно подлое. Только я за него деньги плачу. Разбирай, как знаешь! Пять тысяч, да на голодные-то зубы, да тому, кто их никогда у себя не видывал... тоже приятность имеют.

Ераст. Не надо. Не только твоих пяти тысяч... а отойди! Вот... одно слово!

Константин. Правда пословица-то: дураков-то не орут, не сеют, а сами рождаются. Получаешь ты триста рублей в год, значит, обязан ты воровать; хотят тебя осчастливить, дают

тебе пять тысяч, а ты физиономию в сторону отворачиваешь! Мозги! Нечего сказать! Постучи-ка себя в лоб-то да вон в стену попробуй, будет ли разница?

Ераст. А как ты думаешь, ежели дьявол... так кто из вас тоньше... людей-то опутывать?

Константин. Ну, вот еще, «дьявол». Испугать, что ли, меня хочешь? Слова, глупые слова, и больше ничего. К чему тут дьявол? Которые люди святой жизни, так дьяволу с ними заботы много; а мы и без него нагрешим, что на десяти возах не вывезешь. Но, однако, всякому разговору конец бывает... Хочешь – бери деньги, а не хочешь – сочти так, что я пошутил.

Ераст. Надо по крайности подумать.

Константин. И выходишь ты, братец мой, невежа. Думай не думай, ума не прибудет; сколько тебе ума дано, столько и останется. Значит, показывай сейчас свой ум или свою глупость! На том и покончим.

Ераст. Ну, уж была не была, куда ни шло!

Константин. Вот так-то лучше; а ты еще в рассуждения пускаешься! Какие еще твои рассуждения, когда ты обязан во всем слушать меня и всегда подражать под меня. Я старше тебя хотя не летами, но жизнью и умом; я большое состояние прожил, а ты всегда жил в бедности; я рассуждаю свободно, а ты в рассуждении связан; я давно совесть потерял, а ты еще только начинаешь. Когда ж подробный об этом предмете у нас разговор будет?

Ераст. Ты сегодня что делаешь?

Константин. До вечера свободен, зайду к тебе и потолкуем; а вечером – опять с дядей в провожатых.

Ераст. Куда вы с ним ездите?

Константин. По трактирам, а то куда ж больше. Надое-ло им без проказ пьянствовать, так теперь придумывают что чудней: антиков разных разыскивают, да и тешатся. У кого сила, так бороться заставляют; у кого голос велик, так многолетие им кричи; кто пьет много, так поят на пари. Вот бы найти какого диковинного, чтоб дяденьке удружить.

Ераст. Нет, я встретил антика-то: и сила, и голос, и выпить сколько хочешь.

Константин. Кто он такой?

Ераст. Так, вроде как странник, по Москве бродит, понакутит, да у монастырей с нищими становится.

Константин. И знаешь, где его найти?

Ераст. Знаю.

Константин. Так покажи мне сегодня же! Я с кем-нибудь стравлю его на пари, большой капитал могу нажать от дяди. Да что! Дядя озолотит, все состояние оставит мне, коли придется ему по вкусу да всех мы победим.

Ераст. Можно.

Входят Каркунов, Халымов, Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Каркунов, Халымов, Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, Константин и Ераст.

Каркунов. Что ж, кум, загуляли, значит?

Халымов. Не знаю, как ты; а я коньки подвязал, далеко катиться могу.

Каркунов. Так поехали, что ли?

Халымов. Поехали.

Каркунов (*указывая на женщин*). А их не возьмем, кум, не возьмем! Пушай дома сидят! Вот вы и знайте! Да! Мы в разгул, а вы дома сидите!

Халымов. Куда их! Нам с тобой надо быть налегке, без грузу; чтобы куда потянет, туда и плыть, так, глядя по фантазии, рулем-то и поворачивай!

Аполлинария Панфиловна. Да поезжайте, куда душе угодно, не заплачем.

Каркунов. О чем плакать! что за слезы! Не о том речь! А ты вот что, кума: ты спроси у лошади, как ей лучше, свободней: в хомуте или без хомута! А баба-то ведь хомут.

Аполлинария Панфиловна. Да ну вас, убирайтесь. Не очень-то в вас нуждаются. Домой-то дорогу я и одна найду. Так приедете, Вера Филипповна, в монастырь-то ко всеобщей?

Вера Филипповна. Приеду непременно.

Аполлинаруя Панфиловна. Ну, вот, может быть, увидимся. Прощайте! К нам милости просим.

Вера Филипповна, Ваши гости.

Аполлинаруя Панфиловна. Прощайте, кавалеры!
(*Уходит.*)

Константин. Дяденька, мне прикажете с вами сопутствовать?

Каркунов. Чего еще спрашиваешь? Аль ты свою службу забыл? У тебя ведь одно дело-то: по ночам пьяного дядю домой провожать.

Константин. А ежели я малость замешкаюсь, так к ночи где вас искать, под каким флагом? То есть, дяденька, под какой вывеской?

Халымов. Да уж где ни путаться, а, должно быть, Стрельны не миновать. Поклон, да и вон! Поехали.

Каркунов. Хозяйка, не жди!

Уходят Каркунов, Халымов, Константин. Вера Филипповна провожает их в переднюю и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вера Филипповна и Ераст.

Ераст (*потупя голову*). Вера Филипповна, вы позволите мне сегодня идти ко всеобщей?

Вера Филипповна. Разве богу молиться позволения спрашивают?

Ераст. Нет-с, я спрашиваю, позволите ли вы мне идти в монастырь, куда вы поедете?

Вера Филипповна. Храм большой, всем место будет... Иди, коли есть усердие.

Ераст. Я думал, что, может быть, вам неприятно, что я все с вами в одну церковь хожу. Так я могу и в другое место...

Вера Филипповна (*взглянув на Ераста*). Отчего же ты думаешь, что мне неприятно?

Ераст. Вы женщина строгая, мало ль что можете подумать.

Вера Филипповна. Я ничего не думаю; а коли ты сам что-нибудь думаешь дурное, так лучше не ходи, не греши. А ежели ты с чистым сердцем...

Ераст. С чистым, Вера Филипповна.

Вера Филипповна. А коли с чистым, так иди с богом! Мне даже очень приятно; я очень рада, что в таком деле есть у меня товарищ и провожатый.

Ераст. Я только вам доложить хотел. Я без спросу не посмел.

Вера Филипповна. Да, хорошо, хорошо! Вижу, что ты скромный и хороший человек. Я таких люблю. Хорошего человека нельзя не полюбить... Кого ж и любить, коль не хороших людей! Ну, покуда прощай!

Ераст почтительно кланяется.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Вера Филипповна.

Аполлинария Панфиловна.

Константин.

Каркунов.

Ераст.

Иннокентий, странник, сильный мужчина сурового вида. В длинном парусинном пальто и страннической шапке.

Бульвар под монастырской стеной; несколько скамеек; в глубине по обрыву деревянная загородка, за ней вдали видна часть Москвы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иннокентий, один сидит на скамейке.

Иннокентий. Эка обуза!.. Эка обуза мне тело мое!.. алчное, жадное, ненасытимое! Экую утробу богатому человеку – и то будет в тягость удовлетворить; а мне, пролетарию... несть конца мучениям... Непрестанные муки голода и жажды... непрестанные обуревания страстей! Был рубль сегодня – и

нет его; а жажда и голод всё те же. Хоть бы ослепнуть! Несытым оком видишь трактиры, видишь пивные заведения, видишь лепообразных жен... Как зверь бы ринулся на все сие и пожрал; но не пожрешь. Прежде чем пасть твоя разинется, связан будешь и заключен в узилище. Был рубль... Лучше бы его не было... Рубль издержал, но удовлетворения нет, а только сугубая жажда. Всуе искать человека, который, как я, мог бы завидовать волку. Волк живет хищением, грабежом, убийством... а я ему завидую; ибо он даровую находит пищу.

Входит Вера Филипповна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иннокентий и Вера Филипповна.

Иннокентий. Государыня милостивая, соблаговолите странному человеку!

Вера Филипповна (*подавая деньги*). Примите!

Иннокентий. Мало.

Вера Филипповна. Не взыщите.

Иннокентий. Другому это довольно, а мне мало.

Вера Филипповна. Ты человек в силах, работать бы тебе...

Иннокентий. Не могу.

Вера Филипповна. Нездоров, что ли?

Иннокентий. Нет.

Вера Филипповна. Так почему же?

Иннокентий. Я празднoлюбeц.

Вера Филипповна. Таким не помогают.

Иннокентий. Напрасно.

Вера Филипповна. Работай и молись, так не будешь нуждаться.

Иннокентий. Не наставлений, государыня милостивая, а денег желаю я получить от тебя.

Вера Филипповна. Так не просят.

Иннокентий (*оглядываясь*). Я не прошу, я приказываю.

Вера Филипповна. Бог с тобой, миленький! Прими еще и будь доволен. За всякую малость надо бога благодарить. Не грехи и меня не вводи в грех; я молиться иду.

Иннокентий. Вон у тебя, раба божья, сколько серебряных денег-то!

Вера Филипповна. Не завидуй, грешно!

Иннокентий. Отдай-ка ты мне их!

Вера Филипповна. Мне, миленький, не жаль, да не мои деньги-то, отдать-то нельзя: они бедным приготовлены.

Иннокентий. А если я их отниму у тебя?

Вера Филипповна. Отнимай, коли бога не боишься, а сама не отдам; это деньги чужие.

Иннокентий. Отнять-то я отниму, да вот беда: сила у меня большая и рука тяжела, как бы не повредить тебя, руки не оторвать прочь.

Вера Филипповна. Ты, миленький, глядел когда на небо-то, лоб-то крестишь себе или нет?

Иннокентий. Ну, уж будет разговаривать-то!

Вера Филипповна. Взгляни, миленький, взгляни на небо-то!

Иннокентий. Либо у тебя разум младенческий, либо ты уж очень в вере крепка. Что ты мне рацеи-то читаешь! Я сам умнее тебя. Молчи, говорят тебе, замкни уста свои; а то я такую печать наложу на них!.. Давай кошелек!

Вдали показываются Константин и Ераст.

Вера Филипповна. А вот мне бог и помощь посылает.

Иннокентий (*тихо*). Ну, счастлива ты! Проходи! я пошутил с тобой! (*Громко.*) Благодарствую, государыня милостивая. (*Садится.*)

Вера Филипповна уходит. Входят Константин и Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Иннокентий, Константин и Ераст.

Константин (*Ерасту*). Этот, что ли?

Ераст. Он самый.

Константин. Мужчина занятный.

Иннокентий. Господа милостивые, соблаговолите странному человеку на пропитание!

Константин. Я на пропитание не даю; коли пропить сейчас, так изволь, подам.

Иннокентий. Давай! Пропью!

Константин. Так ты вот какой странник-то!

Иннокентий. Не осуждай. Коли хочешь подать, так подай; не хочешь, так проходи! Мне не до разговоров.

Константин. Что так? Иль горд очень?

Иннокентий. Не горд, а голоден.

Константин. Накормим.

Иннокентий. Накормишь, тогда и будем с тобой разговаривать.

Константин. Да об чем с тобой разговаривать-то; что ты знаешь?

Иннокентий. Знаю больше тебя; я человек ученый и умный, а ты, как вижу, профан, простец.

Константин. А коли ты ученый, отчего ж бедствуешь?

Иннокентий. Я человек, обуреваемый страстями и весьма порочный.

Константин. Нам таких и надо. А выпить ты много можешь?

Иннокентий. И пью, и ем много и жадно.

Константин. Да как много-то?

Иннокентий. Не мерял; только очень много, неизглаголанно много, поверить невозможно – вот сколько!

Константин. Да, может, хвастаешь?

Иннокентий (*отворачивается в сторону*). Лучше отойди!.. Прходи мимо!

Константин. Что «проходи»! Ты человек нужный. Надо тебя испробовать: словами-то все можно сказать.

Иннокентий. Испробуй!

Константин. А начнешь пробовать, так, пожалуй, и я больше выпью. С нами такие-то оказии бывали.

Иннокентий. Не выпьешь.

Константин. Да почему ты знаешь? Как ты можешь так... вдруг?.. Ты слышал романс: «Никто души моей не знает»?

Иннокентий. Не выпьешь.

Константин. Еще это дело впереди.

Иннокентий. Невозможно. Ты не только что не выпьешь, ты руками не подымеешь того, что я могу выпить.

Константин. Коли правда, мне же лучше; я на тебе большие капиталы наживу. (*Ерасту.*) Ну, я теперь его понял, мы с ним и едем. Что у вас с теткой будет, извести!

Ераст уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Константин и Иннокентий.

Константин. Ты слышал, что я тебе сказал?

Иннокентий. Нет, я слышу только требования и вопли желудка моего.

Константин. Ну, так я тебе повторю: «Я тебя понял».

Иннокентий. Говори, милостивец, ясней!

Константин. Ты человек голодный; чем ты живешь?

Иннокентий. Подаянием от доброхотных дателей.

Константин. А когда подаяния не хватает по размеру твоего аппетита, тогда что?

Иннокентий. Надо бы умирать с голоду, но я не умираю.

Константин. На пятерню берешь?

Иннокентий. Ты что за духовник?

Константин. Ничего, признавайся, свидетелей нет.

Иннокентий. Да ты уж не товарища ли ищешь?

Константин. Пока бог миловал; а вперед не угадаешь: может, и понадобится товарищ.

Иннокентий. Так не обегай, я работник хороший.

Константин. Сундуков железных ты без ключа отпирать не пробовал?

Иннокентий. Да на что тут ключ, коли руки хороши; а то так и разрыв-траву можно приложить.

Константин. Стало быть, фомка-то бывал в руках?

Иннокентий. Что за мастер без инструмента!

Константин. Судился?

Иннокентий. Было.

Константин. А потом где гостил?

Иннокентий. В арестантских ротах.

Константин. Место хорошее! Ну, поедем! Только ты теперь держи себя, братец, в струне. С хорошими людьми в компании будешь, с купцами с богатыми. Надо тебе русское платье достать. Скажем, что ты с Волги, из Рыбинска, из крючников.

Иннокентий. Знаю, случалось кули-то таскать.

Константин. Нашей компании умеи только уважить; а то на целый месяц и сыт и пьян будешь, да и мне будет хорошо.

Иннокентий. Только кормите досыта да поите допьяна, а то рад вам хоть воду возить.

Константин. Ведь тебе умирать бы с голоду в другом месте; а Москва-то матушка что значит! Здесь и такие, как ты, надобны.

Уходят. Входят Вера Филипповна и Аполлиария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вера Филипповна и Аполлиария Панфиловна.

Аполлиария Панфиловна. Да, да, конечно. Как можно без провожатого!

Вера Филипповна. Кого ж я возьму?

Аполлиария Панфиловна. Мало ль у вас... Ну, хоть Ераста.

Вера Филипповна. Как можно! Молодой человек целый день занят, ему охота погулять. У них на гулянье времени-то и так немного; чай, вечером-то радехоньки вырваться из дому, а тут еще хозяйку провожай. У меня совесть не подымет-ся.

Аполлиария Панфиловна. Почем знать, может, ему и самому приятно. Вы домой сейчас поедете?

Вера Филипповна. Нет, уж я достою. Я всегда после второго звона отдыхать выхожу, а к третьему опять в собор.

Аполлиария Панфиловна. А уж я поеду. Народу ма-

ло; ни посмотреть не на кого, ни себя показать некому. Тут как ни оденься, никто не заметит.

Вера Филипповна. Мне все равно; я не за тем езжу.

Аполлинария Панфиловна. Нет, мы люди грешные; мы и в церковь-то ходим людей посмотреть да себя показать. Прощайте! (*Уходит.*)

Подходит Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вера Филипповна и Ераст.

Вера Филипповна. Присядь, Ераст, отдохни.

Ераст. Помилуйте, смею ли я! Ничего-с, я и постою.

Вера Филипповна. Ведь устанешь, служба-то длинна.

Ераст. Хоть всю ночь-с... Я этого себе в труд не считаю.

Вера Филипповна. Ну, как знаешь.

Ераст. Уж я и то должен за счастье считать, что с вами нахожусь... В одном доме живем, а когда вас увидишь!

Вера Филипповна. Да на что ж тебе меня видеть? Тебе хозяин нужен, а не я.

Ераст. Конечно, всякое дело ведется хозяином; только ведь мы от хозяина-то, кроме брани да обиды, ничего не видим. А коли есть у нас в доме что хорошее, коли еще жить можно, так все понимают, что это от вас. Ведь мы тоже не каменные, благодарность чувствуем; только выразить ее не смеем; потому, как вы от нас очень отдалены.

Вера Филипповна. Что за благодарность! Если я что и делаю, так, поверь, не из благодарности.

Ераст. Я это очень понимаю, только за что ж вы людей так низко ставите? Ведь это значит: «Делать, мол, для вас добро я могу из жалости – нате, мол, я брошу вам... только я так высока для вас, что вы даже и благодарить меня не смеее, и ни во что я считаю вашу благодарность, как есть вы люди ничтожные».

Вера Филипповна. Нет, нет, что ты, что ты! Я никогда так и не думала.

Ераст. Хотя вы и не думали, но оно так выходит по вашим поступкам.

Вера Филипповна. Нет, нет, ты, пожалуйста, не думай! Я нисколько не горда, а только что мне стыдно, когда меня благодарят; я ничего такого особенного... а что только должное...

Ераст. Как, помилуйте, какое должное! Да вот я уж и слов не найду, как вас благодарить.

Вера Филипповна. За что, Ераст?

Ераст. Такое внимание, такая, можно сказать, заботливость обо мне... разве я стою?

Вера Филипповна. Да про что ты?

Ераст. А подарок ваш... помилуйте! Ведь уж это даже вроде как по-родственному; да и от родственников нынче не дождешься... Какие ж мои заслуги против вас, помилуйте!

Вера Филипповна. Может, и есть тебе подарок, только

ты на меня не думай!

Ераст. Эх, Вера Филипповна! Вот опять с вашей стороны гордость, а мне унижение. «Бросила тебе, нищему, а благодарности не желаю».

Вера Филипповна. Нет, нет, что ты... Бог с тобой! Ну, я, я...

Ераст. Благодарность... ведь оно такое чувство, что его не удержишь, оно из души просится. Может быть, сколько слез пролито, пока я дождался, чтоб вам ее выразить.

Вера Филипповна. Ну, хорошо, я принимаю твою благодарность.

Ераст. Позвольте ручку поцеловать.

Вера Филипповна. Ах, нет, что ты, что ты! я никогда...

Ераст. Да отчего же, помилуйте! Все дамы-с...

Вера Филипповна. Да нет, что это, как можно! Я знаю, что у дам и барышень целуют руки, да нехорошо это. За что нас возвеличивать, что в нас такого особенного? Мы такие же люди. Ведь это разве какого высокого звания или за святость жизни, а какое наше звание, какие ж мы святые! Которая разве уж сама себя не понимает, что она такое, ну, по глупости, и рада, а то как это равному человеку свою руку давать целовать. Вот у матери целуй! Потому нет больше ничего для тебя на свете, как ее любовь, ее забота, ее печаль о тебе.

Ераст. Хорошо, у кого жива родительница; а коли с детства кто сиротой остался.

Вера Филипповна. Что ж, божья воля.

Ераст. Это точно-с. Но разве другая женщина не может быть вместо матери-с?

Вера Филипповна. Никогда, Ераст, никогда!

Ераст. Нет, может-с. Положим так, что в ней любви такой уж не будет; да это ничего-с. Вы извольте понять, что такое сирота с малых лет. Ласки не видишь, никто тебя не пожалеет, а ведь горе-то частое. Каково сидеть одному в углу да кулаком слезы утирать? Плачешь, а на душе не легче, а все тяжелей становится. Есть ли на свете горчее сиротских слез? А коли есть к кому прийти с горем-то, так совсем другое дело: приляжешь на грудь с слезами-то, и она над тобою заплачет, вот сразу и легче, вот и конец горю.

Вера Филипповна. Правда твоя, правда. Присядь, Ераст.

Ераст. Нет, зачем же-с! Да мне ни серебра, ни золота, никаких сокровищ ка свете не надо, только б ласку видеть да жалел бы меня кто-нибудь. Вот теперь ваш подарок, конечно, я очень чувствую; а ведь для души тут ничего нет-с. Для меня только ласковое слово, совет, наставление для жизни в тысячу раз дороже всяких подарков. А ежели пожалеть, утешить в горе, заплакать вместе... об таких предметах зачем и мечтать! Потому этого никогда не дождешься...

Вера Филипповна. Отчего ж не дождешься? Ведь уж я плачу, Ераст!

Ераст. Это для меня сверх всякого ожидания. Такое сча-

сть, что уж я и не знаю, как его оценить и чему приписать! Все-таки по крайности позвольте хоть ручку поцеловать.

Вера Филипповна (*задумчиво*). Не надо, мой друг; ты знаешь, что я не люблю.

Ераст. Вы сами изволили говорить, что у матери следует руки целовать, а вы для меня гораздо дороже-с. Потому мать – это дело даже довольно обыкновенное, у всякого она есть; а чтоб посторонняя женщина такие чувства имела – это, по нынешним временам, невозможно и встретить. Не обижайте, позвольте ручку!

Вера Филипповна. Ну, изволь, мой дружок. Только, пожалуйста, чтоб уж никогда...

Ераст (*целуя руку*). Как никогда, как никогда, помилуйте! Подняли меня до небес и опять приказываете мне взять оборот на старое положение. Я так осмеливался думать, что не последний раз я от вас такое утешение в своих горестях имею.

Вера Филипповна. Да я, дружок, только насчет поцелуев-то; а побеседовать с тобой, посоветовать что, потужить вместе я, пожалуй, и вперед не откажусь.

Ераст. Только того-с и жаждет душа моя.

Вера Филипповна. Что ж, отчего же! Тут дурного ничего нет.

Ераст. Окромя хорошего, ничего нет-с. Но при всем том я от вас отойду подальше; потому Аполлинария Панфиловна сюда приближается. (*Уходит.*)

Входит Аполлиария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вера Филипповна и Аполлиария Панфиловна.

Вера Филипповна. Воротились?

Аполлиария Панфиловна. Затолковалась с одной знакомой. А вы все еще тут сидели?

Вера Филипповна. Да, отдыхаю. Хорошо здесь воздухом-то подышать; еще поспею, служба долгая, часов до десяти.

Аполлиария Панфиловна. Да, да, конечно, на вольном воздухе... то дома-то, в четырех стенах сидеть! Проводить есть кому, так что ж вам! Не то что до десяти часов, хоть до полуночи оставайтесь.

Вера Филипповна. Я без провожатых, одна езжу.

Аполлиария Панфиловна. А словно как я тут вашего приказчика, Ераста, видела.

Вера Филипповна. Да, и я видела; так ведь он тоже помолиться пришел, а совсем не для проводов; он сам по себе, а я сама по себе.

Аполлиария Панфиловна. Да, конечно. Хороший он человек, солидный, скромный такой.

Вера Филипповна. Не знаю я их, приказчиков-то, да и вижу их очень редко. Какие они там, уж это не мое дело, это Потап Потапыч знает.

Аполлинария Панфиловна. Хороший человек, хороший: не болтун, не похвастает, женщину не опозорит, которая к нему снисходительность имеет, уж хоть умрет, а промолчит. Другие ведь такие охальники, чего и нет, наговорят; а этот хоть бы что и было, так режь его, не выдаст. Оно и дорого для нас, для женщин-то.

Вера Филипповна. Не понимаю я, что вы говорите.

Аполлинария Панфиловна. Да что вы, Вера Филипповна; что тут такого непонятного! Разумеется, скромный мужчина гораздо приятнее. Другой, знаете, и собой некрасив, а, глядишь, очень хорошая женщина любит. А за что? За скромность. Вот Оленька сама мне проговорила, а он молчит и виду не подает.

Вера Филипповна. Оленька, говорите вы? Какая Оленька?

Аполлинария Панфиловна. Да Оленька, ваша племянница. Болтушка она; хорошо еще, что такого скромного человека нашла. Попадись она другому, так уже муж-то давно бы узнал.

Вера Филипповна. Да что вы говорите! Может ли быть!

Аполлинария Панфиловна. Да что ж такого мудреного! Эх, матушка Вера Филипповна. Да сплошь да рядом, чему тут удивляться-то!

Вера Филипповна. Нет, я не верю вам, он кажется таким скромным, сиротливым.

Аполлинария Панфиловна. «Кажется». Да мужчина,

каким ему нужно, таким он и кажется: где надо быть смиренным, он смирен, где надо бойким, он бойкий; где плакать – плачет, где плясать – пляшет. Всякий мужчина коли он не дурак, так плут; а у всякого плута свой расчет. Разини-то повывелись, нынче палец в рот не клади, откусят.

Вера Филипповна. Ах, право, как это неприятно, как неприятно!

Аполлиария Панфиловна. Да вам-то что за дело. Пущай их...

Вера Филипповна. Да как же это... в нашем доме! Нет, нехорошо, нехорошо.

Аполлиария Панфиловна. Да ведь слухов никаких нет, никто про это тоже не говорит, все равно что нет ничего.

Вера Филипповна. Нет, все-таки... Вот поди узнай людей-то!

Аполлиария Панфиловна. Да зачем их узнавать! И верить никому не надо. Надо только самой быть осторожной. Ведь не к присяге же всякого приводить! Вот я никому не верю. Мало ли что сторяча-то говорится... Пожалуй, меня обманывай, я не рассержусь: я зато сама десятерых обману. Ах, заболталась я с вами. Прощайте, домой пора.

Вера Филипповна. Уж и я.

Аполлиария Панфиловна. Что так? Вы достоять хотели?

Вера Филипповна. Да что-то нездоровится, так как-то не по себе.

Аполлинария Панфиловна. Погуляйте немножко! На воздухе-то лучше. Куда вам торопиться!.. Да где он тут? Вон, кажется, идет... Парень-то так, без дела шатается... он и проводит вас. Прощайте! (*Уходит.*)

Вдали показывается Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вера Филипповна и Ераст (вдали).

Вера Филипповна. Кто из них лжет: он или она? Да что мне, в самом деле... как хотят; мне за них не отвечать. Только вот уж разговаривать-то не надо. Разве пойти в собор... да нет, какая уж молитва.

Ераст подходит.

Что тебе, Ераст?

Ераст. Не будет ли какого приказания от вас?

Вера Филипповна. Какие приказания! Я уеду сейчас.

Ераст. А мне-с?

Вера Филипповна. Да что ж мне до тебя! Хочешь оставайся, хочешь – домой ступай.

Ераст. Только и всего-с?

Вера Филипповна. Чего ж тебе! Я приехала молиться, ты тоже; я себя знаю, и ты свое место понимай.

Ераст. Это уж совсем другой разговор против давешнего, одно к другому не подходит.

Вера Филипповна. Ну, что ж делать! Пока человека не

знаешь, так ему и веришь; а как узнаешь про дела его, так по делам ему и цена.

Ераст. Теперь я понимаю. Так я и ожидал. Значит, в ваших глазах меня очернили; и теперь, что было для меня дорогого на свете, я всего лишен, потому вы считаете меня неосновательным человеком. Ну, что ж делать? Знать, такая судьба, так тому и быть. Но после всего этого позвольте вам сказать два слова.

Вера Филипповна. Говори!

Ераст. Первое-с: ничего такого и никаких дурных дел за мной нет. Если что вам сказано, так это все пустое, все наносные слова. Есть за мной один грех: что я больше всего на свете уважаю и люблю женщину, которая очень высока для меня; но этого я грехом не ставлю.

Вера Филипповна. Ну, дальше что ж?

Ераст. Так как вижу я со всех сторон одни нападки и ниоткуда мне никакой радости и утешения нет, так для чего жить-с? Не в пример лучше будет, ежели свою жизнь покончить.

Вера Филипповна. Что ты, бог с тобой! Какие ты слова говоришь!

Ераст. Слова самые настоящие; все это так и будет. Спасения мне нет, спасти меня никто не может... только может одна женщина, и эта женщина – вы-с!

Вера Филипповна. Да очень бы я рада и готова.

Ераст. Только и от вас мне спасения ожидать нельзя.

Вера Филипповна. Почему же ты так думаешь?

Ераст. Вы меня не пожалеете. Что такое я для вас? Стоит ли вам из-за меня себя беспокоить!

Вера Филипповна. Нет, пожалею, пожалею.

Ераст. Нельзя вам пожалеть, вам ваше звание не позволяет; приказчик хоть умирай, а хозяину до этого дела нет — такой порядок.

Вера Филипповна. Да какой там порядок! По-христиански всякого жалеть следует.

Ераст. Опять же у женщин всякое дело все им грешно да стыдно; и все-то они греха боятся, а еще больше того стыда.

Вера Филипповна. Да как же, миленький, стыда не бояться? Для того он и стыд называется, чтобы его боялись.

Ераст. Позвольте-с! Ежели бы был такой закон, чтоб со всем даже не прикасаться до мужчины ни под каким видом, а кто прикоснется, так это грех и стыд. И вот, если мужчина на ваших глазах тонет, а вам только руку протянуть, и он спасен. Ведь вы руки не протянете, потому это стыдно; пущай он тонет.

Вера Филипповна. Как руки не протянуть! Да если человек тонет, до стыда ли тут! Стыд ведь только в обыкновенной жизни очень нужен, а то он не очень важен: как что посерьезней, так его и нет.

Ераст. Ну, вот только всего-с, и кончен разговор-с. Стыдно по ночам к мужчинам на свидание ходить; а вы, значит, ко мне пожалуете.

Вера Филипповна. Что ты, что ты, опомнись!

Ераст. Мне жизнь недорога; я не живу, а только путаюсь в своей жизни; стало быть, и жалеть ее нечего, и, значит, я человек отчаянный. Кроме вас, я никому на свете не верю и никого не уважаю. Вам я желаю рассказать всю свою жизнь. как жил, что делал, и все свои помышления, и спросить у вас совета, каким манером и для чего мне существовать на этом свете и влачиться на земле. Это разговор не минутный, тут мало часа полтора или два потребуется. Видеться мне с вами негде, к себе в комнату я вас приглашать не смею; по этому самому пожалуйста завтра вниз, в контору, в десять часов вечера. Потап Потапыч, по обыкновению, в эти часы находятся в отъезжих полях, в доме все будет погружено в глубоком сне; значит, нам полная свобода.

Вера Филипповна. Да нет, что ты, какая свобода! Ты перестань глупости-то!..

Ераст. Если в десять часов не придете, в одиннадцать – у вас в доме упокойник.

Вера Филипповна. Ах, страсти! Да не говори, пожалуйста-ста!

Ераст. Придете?

Вера Филипповна. Да уж нечего с тобой делать... что ж, видно, надо прийти.

Ераст. Так я и ожидал, потому у вас душа особенная. Вот она, Москва-то река недалеко, нырнуть в нее – одна минута; но как вас увижу, совсем другие мысли у меня проясняются.

Вера Филипповна. Нет, уж ты, пожалуйста, поберегай себя.

Ераст. Теперь еще желаю я знать от вас: обиду вы прощаете?

Вера Филипповна. Какова обида, миленький!

Ераст. Ну, вот-с человек у вас украдет что или ограбит вас, ну, вред вам какой сделает... Так вы простите его или всю жизнь будете зло на него в душе иметь?

Вера Филипповна. Нет, как можно! Пусть его бог судит, а я прощу.

Ераст (*горячо обнимает и целует ее*). Вот вам и обида-с!

Вера Филипповна. Ай! (*Отбегает.*)

Ераст. Ну, казните!

Вера Филипповна. Как же ты?.. Зачем это? (*Оттирает слезы.*)

Ераст. Приказывайте, что мне над собой делать!

Вера Филипповна тихо плачет.

Уж теперь самому-то в омут броситься будет мало для меня, а утопить меня надо с камнем за мое невежество.

Молчание.

Вера Филипповна (*взглянув на Ераста*). Неужели ты домой, этакую даль, пешком пойдешь? Поедем, и подвезу.

Молчание.

Ераст. Да-с... уж лучше б меня казнили... Вместо всего... такие слова... да это... разве от ангела дожидаться.

Вера Филипповна. Ну, что ж... ты не подумавши... А

вот подумаешь, так увидишь, как это тяжело и больно для меня.

Ераст. И сейчас понимаю: тяжело и больно для вас, а с моей стороны даже довольно низко... И никогда вперед не посмею и подумать-с... Только, я полагаю... все-таки в этом никакой обиды нет для вас.

Вера Филипповна (*улыбаясь*). Да, пожалуй. Очень, очень дурно ты сделал, и никак я не могла от тебя ожидать... а коли правду сказать... если ты каешься да говоришь, что вперед не будешь... так... само собой... какая ж тут обида! Простить тебя очень можно. Поедем, Ераст!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Каркунов.

Халымов.

Вера Филипповна.

Константин.

Ольга.

Ераст.

Огуревна.

Комната со сводом в нижнем этаже дома Каркунова. На правой стороне (от актеров) дверь в комнату Ераста, на левой – в коридор; поперек комнаты дубовый прилавок, за ним две конторки с табуретами; на стене часы. Кипы товаров в суровых парусинных сорочках сложены у прилавка. В глубине два окна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ераст за конторкой, на конторке свеча.

Ераст. А похоже, что Константин правду сказал: хозяин ходит сердитый, на свет не глядит; все ворчит: «Надо прикончить фабрику, выгоды никакой нет...» Дело не хвали!

Пойдешь по Москве шляться, мостовую гранить. Денег на черный день не припасено... Да как их и припасешь на таком жалованье? Как прогуляешь месяца три-четыре, а то и все полгода без места, вот и узнаешь, где раки-то зимуют. Затянешься в долги, платьишко все размотаешь... ведь голод-то не тетка, пожалуй, в такое звание попадешь, что после и не выцарапаешься. Мало ль их зимой в летнем платье по городу ходят, за копеечки пляшут на морозе да руки протягивают. Эх ты, жизнь! Как подумаешь, так мурашки у тебя по спине-то заползают. Тут не то... что... тут на разбой пойдешь... Оно точно, что хозяйка наша женщина редкостная, совсем какая-то особенная, и какую я теперь штуку гну, так немного это лучше, что зарезать человека. А как подумаешь об жизни об своей, так оно и выходит, что своя рубашка к телу ближе... Коли не выгорит дело у Константина, ну, была не была... то я теряю! Только и всего, что в том же чине останусь, как был... Был ничего и останусь ничего... А разживется Константин, так и я хоть немножко побарствую... получу с него деньги, покучу, сколько мне надо, оденусь по последнему журналу, поступлю на место хорошее: нынче жалованье-то по платью дают. Само собою, дурного хорошим не назовешь; да разница-то велика: по морозу в каком-нибудь страм-пальто прыгать да в кулаки подувать или в шубе с седым бобровым воротником по Ильинке проехаться. *(Взглянув на стенные часы.)* Еще без двадцати минут десять. Пойти взять книжку. *(Уходит со свечой.)*

В комнате темно, лунный свет. Входит Вера Филипповна, Огуревна со свечкой остается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вера Филипповна и Огуревна.

Вера Филипповна (*тихо*). Поди поставь свечку на лестницу, да сама там посиди, подожди меня.

Огуревна. А? Ну... подожду, подожду...

Вера Филипповна. Поди на лестницу, говорю я.

Огуревна. Куда на лестницу, зачем?

Вера Филипповна. Поди, поди, говорю я, взойди на лестницу, да и сядь там.

Огуревна. Ну, и ничего здесь... и пойдем, что ли?

Вера Филипповна. Ступай одна, я сейчас приду, подожди там!

Огуревна. Час-то который?

Вера Филипповна. Да ты ступай уж.

Огуревна. То-то, мол, что теперь? Утро аль вечер?

Вера Филипповна. Да какая тебе надобность! Утро ли, вечер ли, все равно тебе. Ты ступай, ступай!

Огуревна. А? Ступай! Куда ступай?

Вера Филипповна. Ты на лестницу ступай, наверх! Как ты не понимаешь?

Огуревна. Да, понимать... Ты днем говори, так я пойму... а ночью человек, что он может понимать? Ты ему то,

а он тебе то; потому заснул человек, все одно что утонул. А ежели ты его разбудишь, ну, какое у него понятие?

Вера Филипповна. Ступай, ступай!

Огуревна (*оглянувшись*). Батюшки, да где это мы?

Вера Филипповна. Ступай, ступай, не твое дело.

Огуревна. А ведь мне мерещится, что ты это у себя в спальне, на постеле лежа, мне что приказываешь.

Вера Филипповна. Ступай, ступай, вон прямо по коридору – на лестницу вверх, да там и жди! Да не усни дорожкой-то!

Огуревна (*уходя*). Ладно, мол, ладно.

Вера Филипповна. Куда ты? Куда ты? Прямо, прямо... Свечку-то не урони!.. (*Затворяет дверь и отходит от нее.*) Где же он? Он в своей комнате. Ну, я туда не пойду. (*Прислушивается.*) Кто-то идет со двора... по коридору... сюда кто-то... (*Входит за прилавок и садится за кипы товару.*)

Входит из коридора Ольга, навстречу ей Ераст выходит из своей комнаты со свечкой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ольга и Ераст.

Ераст. Ты зачем? Кто тебя просил?

Ольга. А затем, чтоб сказать тебе прямо в глаза, что бессовестный ты человек.

Ераст. Так, я думаю, ты это после успела бы, торопить-

ся-то тебе некуда.

Ольга. Да душа не терпит, постылый ты человек. Вот как ты за любовь-то мою, вот как! Да ведь со мной шутить нельзя... Я тебя, голубчик, погоди!..

Ераст. Да потише ты! Ты не в своей квартире – дебоширничать-то! Ты в чужом доме. *(Заглядывает в коридор.)*

Ольга. Да что мне! Я и знать не хочу!

Ераст. Нет, вот что: ты лучше оставь до завтра, мы с тобой после поговорим.

Ольга. Да не могу я, не могу; душа кипит, не могу.

Ераст. Ну, говори, только скорей! Что там такое у тебя случилось?

Ольга. Я только одному дивлюсь, как у тебя хватает совести прямо глядеть на меня. Ах, убила б я тебя.

Ераст. Да уж довольно твоих ахов-то! Ты дело-то говори!

Ольга. Аполлинария Панфиловна видела тебя с теткой вместе? Говори! Видела?

Ераст. Ну, так что ж за беда? Видела так видела.

Ольга. И ты можешь после этого равнодушно со мной разговаривать; и тебе ничего не стыдно? Вот и выходит, что глаза-то у тебя бесстыжие.

Ераст. Да дальше-то что? Ты дело-то говори! Некогда мне с тобой проклажаться. *(Заглядывает в коридор.)*

Ольга. Чего ж тебе еще дальше-то, чего еще?

Ераст. А коли только, так и ступай домой. Стоило прибегать из-за таких пустяков.

Ольга (*чуть не плачет*). Что ж, тебе мало этого? мало?

Ераст. Разумеется, мало, а ты как думала!

Ольга. Мало! чего ж тебе? Удавиться мне, что ли?

Ераст. Коли твоя глупость заставляет тебя давиться, так давься! Я тебе больше скажу! Твоя тетка сейчас ко мне сюда придет. Слышишь ты это?

Ольга. Ну, так не бывать же этому; себя не пожалею, а уж не позволю тебе так издеваться надо мной.

Ераст. Позволишь.

Ольга. И не говори ты мне, и не терзай ты меня; а то я таких дел наделаю, что ты сраму и не оберешься.

Ераст. погоди, слушай ты меня! Сейчас придет сюда твоя тетка, а через десять минут нагрянет сюда Потап Потапыч с твоим мужем и накроют ее здесь.

Ольга. Что, что? Что еще за глупости придумываешь?

Ераст. Ну, уж это не твоего ума дело.

Ольга. Да зачем, к чему это?

Ераст. Стало быть, так надо.

Ольга. Да голубчик, миленький, скажи!

Ераст. То-то вот, так-то лучше; а то шумишь да грозишь без толку. (*Смотрит в дверь*.) Пожить-то тебе получше хочется – и одеться, и все такое?

Ольга. Как не хотеться! Дурное ли дело.

Ераст. А муж-то твой давно прогорел, да еще долгов много. Коли дядя ему наследства не оставит, так ему в яму садиться, а тебе куда?

Ольга. Уж ты меня не оставь, Ераст, на тебя только и надежда.

Ераст. Да мне самому-то не нынче-завтра придется по Москве собак гонять. А как застанет Потап Потапыч жену здесь, меня-то за ворота дубьем проводит, да уж и ей наследство не достанется, а все ваше будет. Так видишь ты, я для вас с мужем себя не жалею; а ты тут путаешься да мешаешь.

Ольга. Да разве я знала...

Ераст. Так вот знай! Ну, иди, иди!

Ольга. А ведь я думала, что ты ее любишь.

Ераст. Как бы не полюбить, да не такая женщина. К ней не скоро подъедешь.

Ольга. А ты бы не прочь подъехать, кабы можно?

Ераст. Да, конечно, чего ж зевать-то!

Ольга. Ах ты постылый! Так вот не пойду же, не пойду.

Ераст. Кому ж ты угрозить хочешь? Себе ж хуже сделаешь. Да тебя муж-то убьет до смерти, коли ты нам помешаешь.

Ольга. Да я бы ушла, да как тебя оставить-то с ней? Сомнительно мне.

Ераст. Ревность. Ты о тетке-то по себе судишь!.. Не сумлевайся. Она не такая, не вам чета. Ну, ступай скорее, скоро десять часов.

Ольга. Ну, смотри же ты у меня! И, кажется... тогда не живи на свете.

Ераст. Да будет уж, ступай! Постой! Идет кто-то. Вот до-

толковались. Беги в мою комнату, возьми свечку. Затворись и сиди там, не дыши.

Ольга уходит со свечкой. Ераст подходит к двери коридора.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ераст и Вера Филипповна.

Ераст (*у двери*). Вера Филипповна, это вы-с?

Вера Филипповна (*выходя из-за перегородки*). Нет, Ераст, я давно уж здесь.

Ераст (*хватаясь за голову*). Все слышали?

Вера Филипповна. Все.

Ераст. Стало быть, знаете теперь, каковы мы люди?

Вера Филипповна. Знаю, Ераст.

Ераст. Оправданий нет, и язык не подыметя оправдываться перед вами! Что ж мне, плакать, прощенья просить, в ногах валяться? Так я, может, и потерянный человек, но унижаться не стану, низкости во мне нет. Все дело налицо, ясно... уж тут нечего... Следует вам только пренебречь нами, плюнуть и уйти... и оставайтесь опять такой высокой женщиной, как вы были, не связывайтесь с такими людьми, как мы.

Вера Филипповна. Так я и сделаю. Ты как точно угадал мои мысли.

Ераст. Но позвольте! Человек я для вас маленький, ни-

чтожрый, так все одно, что червь ползущий; но не откажите сделать мне последнюю милость. (*Становится на колени.*) Скажите, что-нибудь да скажите! Ругайте, прощайте, проклинайте; ну, что вам угодно, только говорите – мне будет легче; ежели же вы уйдете молча, мне жить нельзя. Не убивайте презрением, сорвите сердце, обругайте и уйдите!..

Вера Филипповна. Изволь. Встань.

Ераст встает.

Ты меня хотел обмануть, а бог меня помиловал, стало быть мне жаловаться не на что. Мне радоваться надо, что бог меня не забыл. Хоть сто раз меня обманут, а все-таки любить людей я не отстану. Только одно я скажу тебе: любить людей надо, а в дела их входить не нужно. Чтобы входить в дела людей, надо знать их, а знать мне их не дано. Коли я не умею разобрать, кто правду говорит, а кто обманывает, так лучше не браться за это. Кто молча нуждается, кто просит, кто руку протягивает – всякому помощи и проходи мимо с легким сердцем. А станешь ты людей про их нужды спрашивать, так волей-неволей тебя обманут, потому что всякому хочется себя оправдать, свою вину на других либо на судьбу свалить, всякому хочется себя получше показать, своих-то грехов, своей-то вины никто тебе не скажет. А догадаешься ты, что тебя обманывают, и осудишь человека, так уж какое тут добро, только грех один. А вот как надо жить нам, глупым людям: люби людей, и не знай их, и не суди. Я не за свое дело взялась, моя забота люди бедные, беспомощные; а вы сами

себе поможете; ишь как ловко вы всё придумали. Видеть тебя и разговаривать с тобой уж больше мне незачем. Ты прощенья-то за свой грех проси не у меня, а выше, а коли и мое прощенье тебе нужно, так я тебе прощаю. С богом! Мы теперь чужие. (*Идет к двери.*)

Ераст. Вот, кажется, к воротам кто-то подъехал, да уж теперь вас не застанут.

Вера Филипповна. Тебе дела до меня нет, ты об себе думай, я не боюсь. Что правому человеку бояться. (*Уходит.*)

Ераст. Вот важно! хорошо, очень хорошо, лучше требовать нельзя. Ну, Константин, подвел ты меня ловко! Во всей форме я теперь невежа перед ней, да и самому-то на себя глядеть противно. Вот так налетел! Я стыда-то еще в жизни не видал, так вот попробовал. Эх, сирота, сирота, учить-то тебя да бить-то было некому. Вот и беда, как твердо-то не знаешь, что хорошо, что дурно. Нет, уж лучше бедствовать, чем такими делами заниматься! Только бы бог помог. До поту меня стыд-то пробрал; да пот-то какой, холодный. (*Подходит к двери своей комнаты.*) Ольга!

Выходит Ольга со свечой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ераст и Ольга.

Ераст (*берет свечу и ставит на конторку*). Иди домой! Беги скорей!

Ольга. Что, что случилось?

Ераст. Когда тут разговаривать! Беги скорей, застанут.

Ольга. Так я завтра к тебе забегу.

Ераст Да ладно, ладно.

Ольга. Ведь ты меня любишь, ты меня ни на кого не променяешь?

Ераст. Нашла время нежничать. Беги, говорят тебе.

Ольга (*обнимает Ераста*). Ну, прощай, милый, прощай. (*Отворяет дверь в коридор.*) Ай! (*Подбегает к Ерасту.*) Дяденька там, муж...

Ераст. Беги ко мне в комнату, прячься там хорошенько.

Ольга убегает. Ераст садится за конторку и раскрывает конторскую книгу. Входят Каркунов, Халымов и Константин. Ераст встает и кланяется.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ераст, Каркунов, Халымов и Константин.

Каркунов (*сидясь на стул*). Чем мне не житье, кум, а? Какого еще житья надо? Приказчики ночи не спят, над книгами сидят; а не пьянствуют ведь, не безобразничают.

Халымов. Каков хозяин, таковы и приказчики, хозяин трезвой жизни, и приказчики по нем.

Каркунов. Да, да, верно, кум, верно. Другие-то приказчики по трактирам, да всякое безобразие...

Халымов. Да ведь они глупы, они думают, что тракти-

ры-то для них устроены, а не знают того, что трактиры-то и всякие безобразия для хозяев, а не для приказчиков.

Каркунов. Так, так это, кум, так точно. А мои, видишь, как стараются. Старайся, Ераст, старайся!

Ераст. Я, Потап Потапыч, все силы полагаю.

Каркунов. Да вижу, как не видать, чудак, вижу. Старайся, старайся. Забыт не будешь. А племянник, кум, слов-то я, слов не подберу, как нахвалиться. Я за ним как за каменной стеной! Как он дядю бережет! Приедет с дядей в трактир, сам прежде дяди пьян напьется! Золотой парень, золотой! Едем ночью домой, кто кого везет – неизвестно, кто кого держит-не разберешь. Обнявшись едем всю дорогу, пока нас у крыльца дворники не снимут с дрожек.

Халымов. Чудесно! Значит, дружески живете. Чего ж лучше!

Константин. Стараюсь, помилуйте, себя не жалею... Как можно, чтобы я для дяденьки...

Каркунов. Вот и нынче, видишь, как старался, чуть на ногах держится.

Константин. Для куражу, дяденька, для куражу. Коль скоро вы меня в свою компанию принимаете, должен же я понимать себя, значит, должен я вас веселить. А если я буду повеся нос сидеть, скука, канитель... для чего я вам тогда нужен?

Каркунов. Молодцы, молодцы, ребята! А, кум, так ведь?

Халымов. Твое дело.

Константин. Я, дяденька, всей душой... Да, кажется, так надобно сказать, что во всем доме только один я к вам при-
верженность и имею.

Каркунов (*встает*). Спасибо, голубчик мой, спасибо!
(*Кланяется в пояс.*)

Константин. Чувствовать вашу благодарность, я дядень-
ка, могу... душу имею такую... благородную...

Каркунов. И тебе, Ераст, за твою службу спасибо! (*Кла-
няется.*) Спасибо, дружки мои! Ты, Ераст, завтра утром рас-
чет получишь! (*Константину.*) А ты так, без расчета, уби-
райся! И чтобы завтра духу вашего не пахло...

Ераст молча кланяется.

Константин. Вы, дяденька, извольте найти виноватых, а
я надеюсь перед вами правым остаться.

Каркунов. Не надейся, дружок, не надейся. Уж ты тем
виноват: как ты смел против тетки... что она и что ты? Так
ведь, кум, я говорю?

Халымов. Да ну тебя, разговаривай один! И так хорошо
поешь, чего еще! Подпевать тебе не нужно. Пой, а мы слу-
шать будем.

Каркунов. Ты спьяну-то забылся; ты забыл, что ты ничто,
ты прах, тлен, последний гвоздь в каблуке сапога моего! А
тетка твоя женщина благочестивая, богомольная... Да ведь
она жена моя, жена моя... Как же ты смел? Как ты меня,
братец, обидел, как обидел.

Константин. Я так чувствую, что все ваши слова только

одна шутка, вы своей фантазии отвагу даете. Извольте разобраться дело, поискать хорошенько кругом да около, тогда и окажется, кто прав, кто виноват.

Каркунов. Погоди, погоди, твои речи впереди! Мы теперь другую материю заведем. (*Плачевным тоном.*) Вот, кум, горе мое, зубы плохи стали!

Халымов. Свежие закажи, коли природные изжевал; нынче покупные получше своих.

Каркунов. Да и то покупные, своих-то давно нет. Вот смотри! Да не востры, костяные, ну что в них! А что, кум, если заказать железные, сделают? Я большие деньги заплачу.

Халымов. Да что ты, баба-яга, что ли?

Каркунов. Да, я баба-яга, а ты как думал? Вот как будут железные зубы-то, вот и буду я ими жевать жену-то – жевать, жевать... Константин, сослужи последнюю службу, где жена, где жена моя, боярыня?

Константин. Да вот, надо полагать, дяденька, что она вот тут. (*Указывая на комнату Ераста.*) Уйти ей было некуда.

Ераст. Ошибаетесь.

Константин. Нет, уж теперь не увернешься, с поличным поймали! Коли ты дяденькиных благодеев не чувствуешь, что ты за человек после этого. Пожалуйте, дяденька! (*Отворяет дверь в комнату Ераста.*)

Каркунов (*у двери*). Жена, Вера Филипповна, выходи! Нейдет, церемонится... Пожалуйте сюда, честью вас просим. Эх, баба-то заломалась, заупрямилась... Видно, пойти само-

му, поклоняться ей хорошенько! (*Уходит, слышен его хохот; показывается из двери.*) Тсс... тише!.. Нашел, нашел, находку нашел. Ни с кем не поделюсь! Чур, одному! (*Уходит и быстро возвращается, таща за руку Ольгу.*) Вот она, вот она, жена-то! (*Вглядывается, потом подбегает к Константину и ударяет его по плечу.*) Жена... жена, да не моя, чудак!

Константин. Вот так раз... Ну – Ольга!

Каркунов. Ха, ха, ха! Поддержи меня, кум, поддержи! (*Хохочет истерически.*) Завтра же всех вас вон! всех вон! Метлой велю вымести начисто! Ха, ха, ха! (*Уходит, опираясь на Халымова, который его поддерживает.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Константин, Ераст и Ольга.

Константин. Ну, Ольга...

Ольга убегает в коридор.

Не отбегаешься, расчет с тобой будет. (*Ерасту.*) А с тобой как нам разбираться, как с тобой считаться будем?

Ераст (*вынимает вексель, разрывает, свертывает в комок и бросает*). Вот тебе и все счета. Возьми свой вексель! Считаться нам нечего. Плакаться не на кого, не рой другому яму...

Вбегают Ольга.

Ольга. С дяденькой в коридоре дурно сделалось... говорят, удар... он умирает...

Константин. А, умирает? Так это другое дело.

Ольга (*заглянув в коридор*). Умер.

Константин. Ну, Ольга, стоило бы убить тебя; а теперь я тебе в ножки поклонюсь. По твоей милости дядя помирает без завещания, и я теперь полный хозяин всему этому.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Каркунов.

Вера Филипповна.

Халымов.

Аполлиария Панфиловна.

Константин.

Ольга.

Ераст.

Иннокентий.

Огуревна.

Один из фабричных.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огуревна, потом Аполлиария Панфиловна.

Огуревна. Никак, кто-то идет! Не заперла я дверь-то. Не из нищих ли? Пожалуй, стащат что. (*Идет к двери.*)

Входит Аполлиария Панфиловна.

Здравствуйте, матушка Аполлиария Панфиловна!

Аполлиария Панфиловна. Здравствуй, Огуревна!

Все ли вы тут живы?

Огуревна. Покуда живы, еще бог грехам терпит.

Аполлиария Панфиловна. Как здоровье Потапа Потапыча?

Огуревна. Все так же, матушка, перемены не видать.

Аполлиария Панфиловна. Встает с постели-то?

Огуревна. На полчасака, не больше; побродит по комнатам, на палочку опирается, да под руки держим; посидит на кресле, да и опять сведем его на постель; сидеть-то силушки нет у него.

Аполлиария Панфиловна. А как сердцем-то: по-прежнему блажит аль нет?

Огуревна. Нет, как можно, не в пример тише стал. Да доктор говорит, чтоб не сердился, а то вторичный удар ошибет, так и жив не будет. Он теперь совсем на Веру Филипповну расположился, так уж и не наглядится; все-то смотрит на нее, да крестит, да шепчет ей: «Молись за меня, устрой мою душу, раздавай милостыню, не жалея!» А уж такая ль она женщина, чтоб пожалела!

Аполлиария Панфиловна. Много добра-то делает?

Огуревна. Уж и говорить нечего. Только и дела у ней, что расспрашивает о бедных да и сама их разыскивает. А потом на бумажку пишет: кому, когда и сколько отвезти или послать. У ней на каждый день расписано: один раз в неделю уж непременно в острог съездит, а то по тюрьмам да по больницам. А что рассылает по обителям да по церквам по

дальним! Окроме того, каждый день, после обедни, до десяти часов у них полон двор нищих и всякого народу; сама их всех оделяет. Да что ходит этих с книжками да с кружками! Такие-то заходят странники, что глядеть на них страсть; другой как есть разбойник, а она их всех угощает. А по праздникам кормит бедных-то – вот тут-то всякого народу насмотришься. Вот у нас тут и приемная рядом с ее спальней. Сюда прямо и лезут все.

Аполлиария Панфиловна. Много к вам бедных-то ходит!

Огуревна. Много. И утром и вечером ходят. Дворникам всех велено до самой допускать, так они и пускают народ, не разбирая. Как святые живем, не бережемся; деньги из сундука вынет, да так на стол и бросит, так и валяются, а то и сундук забудет запереть. И как это нас не ограбят до сих пор.

Аполлиария Панфиловна. А кто ж у вас за больным-то ходит?

Огуревна. Попеременно, либо я, либо она, а то еще старичка из богадельни взяли. Вот и сейчас она у Потапа Потапыча сидит; я пойду переменю ее, пошлю к вам. (*Уходит.*)

Аполлиария Панфиловна. Да неужто уж так окрепла женщина, что, кроме милостыни, ничего не знает? А ведь еще молода. Чудно! Как же нам-то, грешным, на себя смотреть после этого? Да нет, словно как этого и не бывает. Да вот попробуем: попытка не шутка, а спрос не беда.

Входит Вера Филипповна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аполлинаруия Панфиловна и Вера Филипповна.

Аполлинаруия Панфиловна. Здравствуйте, Вера Филипповна, золотая моя! Как поживаете?

Вера Филипповна. Какой еще жизни! Вот только сам-то болен; а то как в раю живу.

Аполлинаруия Панфиловна. Во всем довольстве, значит?

Вера Филипповна. Да какое мое довольство! Мне для себя ничего не нужно; тем я довольна, что всякому бедному помочь могу; никому отказывать не приходится, всякий с чем-нибудь да уйдет от меня! Сколько богатства-то и дохода у Потапа Потапыча! Лично я из моря черпаю, ничего не убывает, тысячу-две истратишь, а три прибудет. Или уж это бог посылает за добрые дела.

Аполлинаруия Панфиловна. Много ль в день-то раздаете?

Вера Филипповна. Я не считаю, день на день не придется. Вот нынче много отдала; за племянника, Константина Лукича, долги заплатила, из заключения его выкупила.

Аполлинаруия Панфиловна. А уж Потап Потапыч в ваши дела не вступается?

Вера Филипповна. Нет, к нему только кланяться ходят, которые люди с чувством. А он только плачет, крестится да

меня благодарит. Никогда бы мне, говорит, так о своей душе не позаботиться, как ты об ней заботишься: я хоть бы и хотел бедным людям помочь, так не сумел бы!

Аполлиария Панфиловна. Все уж, значит, теперь вам предоставлено?

Вера Филипповна. Все, все.

Аполлиария Панфиловна. Значит, во всей форме за-вещание сделано?

Вера Филипповна. Нет, он хочет при жизни все на мое имя перевести по какой-то бумаге, по купчей или по дарственной, уж не знаю. Исай Данилыч хлопочет об этом в суде.

Аполлиария Панфиловна. Слышала я от него, слышала... Он хотел нынче к вам заехать... Не за этим ли делом уж? Ну, чай, не вдруг-то Потап Потапыч решился, разве что болезнь-то убила.

Вера Филипповна. Нет, он равнодушно... только одно от меня требовал, чтоб я поклялась нейти замуж после его смерти.

Аполлиария Панфиловна. Ну, что ж вы?

Вера Филипповна. Божиться не стала, я грехом считаю, а сказала, что я и в помышлении этого не имею. Что мне за охота себя под чужую волю отдавать? Будет, пожила.

Аполлиария Панфиловна. Ну, нет, не закаивайтесь, зароку не давайте!

Вера Филипповна. Я никому зароку и не даю; я только

знаю про себя, что не быть мне замужем; скорей же я в монастырь пойду. Об этом я подумываю иногда.

Аполлиария Панфиловна. Не раненько ли в монастырь-то?

Вера Филипповна. Ох, да одна только и помеха, молоджава я, вот беда-то!

Аполлиария Панфиловна. Да что ж за беда. По-нашему, так чего ж лучше! Мы что белил-то да разных специй истратим, чтоб помоложе казаться; а у вас этого расхода нет. А ведь это расчет немаленький.

Вера Филипповна. Нет, я к тому, что соблазну боюсь; народу я вижу много, так греха не убережешься. Сама-то я не соблазнусь, а люди-то смотрят на меня, кто знает, что у них на уме-то! Молода еще да богата, другому в голову-то и придет что нехорошее – вот и соблазн; а грех-то на мне, я соблазнила-то. Вот горе-то мое какое!

Аполлиария Панфиловна. Коли только и горя у вас, так еще жить можно. А я к вам с просьбой! Надо помочь одному человеку.

Вера Филипповна. С радостью, что могу.

Аполлиария Панфиловна. Ему многого не нужно; ему только слово ласковое.

Вера Филипповна. За этим у меня дело не станет.

Аполлиария Панфиловна. Так поеду, обрадую его.

Вера Филипповна. К Потапу Потапычу не зайдете?

Аполлиария Панфиловна. Я через полчаса к вам

заеду с мужем, тогда уж и с Потап Потапычем повидеаюсь. Да, забыла... Оленьку сейчас видела, катит в коляске, так-то разодета.

Вера Филипповна. Ну, бог с ней, не нам судить.

Аполлинария Панфиловна. До свидания! (*Уходит.*)

Вера Филипповна (*у двери в коридор*). Кто там? Проводите Аполлинарию Панфиловну...

Входит Огуревна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вера Филипповна и Огуревна.

Огуревна. Сам-то уснул, я у него старичка посадила.

Вера Филипповна. Поди-ка посиди в передней; а то взойдет кто, и доложить некому.

Огуревна. Чай, там есть кто, неужто ж нет! Да что мудреного! Ишь у нас какой присмотр-то в доме! Как сам захворал, так никакой строгости не стало. (*Отворяет дверь в переднюю.*) Да и то никого нет.

Вера Филипповна (*садится к столу*). Много ль у меня денег-то осталось? (*Вынимает из кармана деньги.*) О, еще довольно! Надо б их в шкаф убрать, да пусть здесь полежат, кто их тронет. (*Кладет на стол деньги.*) Куда мне завтра-то? (*Берет бумажку со стола и читает.*) «На Разгуляй, ко вдове с сиротами». Муж на железной дороге, так машиной убило. Да, вот она, жизнь-то. И день и ночь при машине, семью-то

и видел не надолго. А машина... ведь она железная – разве она чувствует, что он один кормилец-то. Убила, да и дальше пошла. А вдове-то с детьми каково!

Входит Огуревна.

Огуревна. Матушка, Константин Лукич пришел с неким странником.

Вера Филипповна. Ну что ж, пусти!

Огуревна. Матушка, пускать ли странника-то? Вида-то он, как бы тебе сказать, больше звериного, ничем человеческого.

Вера Филипповна. С виду-то и ошибиться недолго. Ничего, пусти!

Огуревна уходит. Вера Филипповна отходит от стола к дивану. Входят Константин, одет бедно, пальто короткое, поношенное, панталоны в сапогах, и Иннокентий.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вера Филипповна, Константин и Иннокентий.

Вера Филипповна. Милости прошу. Присядьте!

Константин. С Хитрова рынка пешком путешествовали, так отдохнуть надо. (*Садится.*)

Иннокентий. Благодарим, государыня милостивая. (*Садится.*)

Вера Филипповна. Как же ты, Константин Лукич, устроиться думаешь? К месту бы куда определился, что ли.

Константин. Что мне к месту, я сам человек богатый.

Вера Филипповна. Ну, полно шутить-то!

Константин. Наследства жду.

Вера Филипповна. Откудова?

Константин. Об этом разговор после. Вы бы, тетенька, покормили странных-то!..

Вера Филипповна. Я не знала, что ты голоден. Подите вниз, там внизу стол накрыт, покушайте!

Константин. Я сухояденья не люблю; прежде надо горло промочить.

Вера Филипповна. Негде взять, миленький, мы вина не держим.

Константин. Были б деньги, а вина достать можно.

Вера Филипповна. Так возьми денег и ступайте, куда вам нужно; а в моем доме пьянства я не позволю.

Константин. «В твоём доме»! Мой дом-то, а не твой!

Вера Филипповна. Что же делать; на то была воля Потапа Потапыча!

Константин. Ну, дом, куда ни шло; ты хоть деньгами поделись.

Вера Филипповна. Я и поделилась, я за вас долги заплатила.

Константин. Этого мало, ты подай половину всего!

Вера Филипповна. Так не просят.

Константин. Да я и пришел к тебе не просить, а требовать; я за своим пришел, тут все мое. Вон на столе деньги, и

те мои. Прибирай, Иннокентий, благо карманы широки.

Иннокентий берет деньги со стола.

Это раз! Теперь надо пощупать, что в шкапу лежит, это будет другой.

Вера Филипповна. Что вы делаете, побойтесь бога!

Константин. Иннокентий, с тобой разрыв-трава?

Иннокентий. Со мной, государь милостивый. (*Внимает небольшой лом.*)

Константин. Так похлопочи около шкапа-то! Постой! Не придушить ли ее немного, чтоб не тараторила?

Иннокентий. Как прикажешь, милостивец. Только у меня рука тяжела, после моих рук не выхаживаются. Клещи у меня здоровые, прихвачу горло, пикнуть не успеешь, государыня милостивая.

Константин. Вот, слышишь! Ну, поняла ты теперь, что мы за люди? Ребята теплые! Ты кричать не вздумай! что хорошего! Пожалуй, дядю разбудишь, а он спит теперь; а Огуревну я вниз услад, не услышит. Значит, доставай ключ, отпирай шкап и дели деньги пополам.

Вера Филипповна. Это деньги не мои, это божьи деньги. Он мне их послал для бедных. Хоть убейте, я не отопру.

Константин. Да и убьем, тетенька, убьем, ты не сомневайся! Вон погляди, каков у меня товарищ, он из разбойников, только в отпуску, еще отставку не выслужил.

Вера Филипповна. Я его знаю; он божьим именем у меня милостыню просил; он не убьет меня.

Иннокентий. Убью, государыня милостивая.

Константин. Тетенька, разговоров нет, надо отпирать! Отпирай! Постой! Шкап-то с секретом, он и сам отопрется. Видишь пружины-то. (*Показывает на пуговку звонка.*) Подави-ка, Иннокентий, навались; а я другую пожму.

Нажимают пуговки звонков.

Вера Филипповна. Что вы! Что вы делаете?

Константин. Что делаем? Это ты сейчас увидишь.

Вера Филипповна. Как бог-то вас попутал. Это не пружина, это звонки на фабрику. Сейчас вся фабрика будет здесь.

Константин. Какая фабрика?

Вера Филипповна. Фабричные, ткачи, ну и всякие.

Иннокентий. Я еще поборюсь, государыня милостивая.

Вера Филипповна. Миленький, нельзя; человек семьдесят, а то и больше нахлынет.

Иннокентий. Да, это сила, против такой силы не пойду, ибо глупо. (*Константину.*) Милостивец, бросай что лишнее, да расправляй руки, лопатки крутить будут. Соппротивление бесполезно, я фабричных знаю; ребра беречь надо, милостивец.

Константин (*с испугом*). Батюшки, что делать-то?

Иннокентий. Слышу шум от множества шагов.

Константин (*падая на колени*). Тетенька, ведь мы только поугатать вас хотели... Простите!

Вера Филипповна. Встаньте, Константин Лукич! Бог с

вами!

Константин. Деньги-то, тетенька, которые мы взяли, отдать прикажете?

Вера Филипповна. Да, отдайте! Отнятое впрок не пойдет. Не ввели бы они вас в беду какую.

Константин. Отдавай, Иннокентий!

Иннокентий. Здоровые зубы свои извлекать клещами легче бы мне было, чем возвращать сии деньги. (*Отдает деньги.*)

Вера Филипповна. Прошу вас принять их от меня. (*Отдает деньги обратно.*) Разделите их пополам! И дай бог, чтобы они вам на пользу пошли.

Иннокентий. Благодарим, государыня милостивая.

Константин. Тетенька, отпустите нас?

Вера Филипповна. Погодите!

Входит фабричный.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и фабричный.

Фабричный. Что приказать изволите, матушка Вера Филипповна?

Вера Филипповна. Постой немножко... Дяденька ваш жалует вам пенсию, Константин Лукич, по пятидесяти рублей в месяц; каждое первое число приходите в контору получать.

Константин. А наверх уж ни ногой, тетенька?

Вера Филипповна. Да вам и незачем, уж я за вас поблагодарю Потапа Потапыча.

Иннокентий. Я, государыня милостивая, недолго погуляю на воле, к зиме-то на казенную квартиру попрошусь к Бутырской заставе; так не оставьте своей милостью, благодетельница.

Вера Филипповна. Хорошо, я попомню, навещу. Прощайте.

Константин и Иннокентий уходят.

Молодец, вы подите вниз, скажите, чтоб вам дали по стаканчику водки перед ужином. Я за тем вас и позвала.

Фабричный. Благодарим покорно! (*Кланяется и уходит.*)

Входит Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, потом Огуревна.

Аполлинария Панфиловна. Я опять к вам, с мужем приехала, он там прямо к Потапу Потапычу прошел.

Вера Филипповна. Очень рада гостям, милости прошу. Чем потчевать прикажете?

Аполлинария Панфиловна. Хоть оно и стыдно на угощение напрашиваться, а уж с вами по душе, велите-ка мне

подать мадерки.

Вера Филипповна. Ах, что вы, помилуйте, какой стыд! Это моя глупость, что я не знаю, кого и когда чем потчевать.

Аполлиария Панфиловна. Да как узнать-то! В чужую душу не влезешь.

Вера Филипповна (*у двери в переднюю*). Огуревна, подай мадеры!

Аполлиария Панфиловна. Ну, как вы можете знать, зачем мне выпить нужно?

Огуревна (*за сценой*). Сейчас, матушка, несу.

Аполлиария Панфиловна. Я для куражу хочу выпить. Разговаривать с вами хочу, а смелости не хватает.

Входит Огуревна с бутылкой мадеры и стаканом.

И стаканчик принесла, мою препорцию знает. Ну-ка, налей, слуга Личарда.

Огуревна наливает и уходит.

Вера Филипповна. Кушайте!

Аполлиария Панфиловна, Выпью, много кланяться не заставлю. (*Пьет.*)

Вера Филипповна. Об чем же вам угодно было со мной разговаривать?

Аполлиария Панфиловна. Помните?.. Да нет, погодите, еще не подействовало, что-то не куражит. Не осудите вы меня?

Вера Филипповна. Ах, что вы, помилуйте!

Аполлиария Панфиловна. Так я еще стаканчик про-

пушу.

Вера Филипповна. Кушайте на здоровье. (*Наливает стакан.*)

Аполлиария Панфиловна (*выпив*). Ну, вот теперь, как-жестся, в самый раз. Отчего это мы с вами по-приятельски не сойдемся? Я ведь женщина недурная, я гораздо лучше того, что про себя рассказываю. Отчего ж это мы по-дружески не живем?

Вера Филипповна. Я не прочь, это как вам угодно.

Аполлиария Панфиловна. Ну, так поцелуемся! (*Целуются.*) Вот что, Верочка милая, ты над нами не очень возвышайся! Коли тебе дана душа хорошая, так ты не очень возносись; может быть, и у других не хуже твоей.

Вера Филипповна. Я и не возношусь. Я всегда и перед всяким смириться готова.

Аполлиария Панфиловна. Как думаешь, на что женщине дана душа-то хорошая?

Вера Филипповна. Чтоб ближних любить, бедным помогать.

Аполлиария Панфиловна. Только? Кабы это правда, так одной бы души с женщины-то и довольно. А то еще ей дано тело хорошее, больно красивое да складное... это для чего? Вот и понимай как знаешь!

Вера Филипповна. Не разберу я тебя, Аполлиария Панфиловна.

Аполлиария Панфиловна. Да что тут разбирать-то!

Помнишь, я тебя просила об одном человеке, так он в передней дожидается.

Вера Филипповна. Кто же такой?

Аполлинария Панфиловна. Ераст; хочешь ты – принимай его, не хочешь – не принимай, твоя воля. А я к Потапу Потапычу пойду. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вера Филипповна, потом Огуревна.

Вера Филипповна (*садится к столу и подпирает голову рукой*). Что она сказала! что она сказала! Нет, не надо мне его... зачем он! А может... он нуждается? Ну, пусть через людей скажет, что ему нужно. А коль видеть хочет? Не всякую нужду-то людям поверишь. Словно как я боюсь его... Да нет, чего бояться!.. Обидел он меня, кровно обидел... Так как же это... неужто я до сих пор ему не простила? Ужели в самом деле не простила? А надо бы простить. Грех ведь – это грех... Разбойника, который хотел убить меня, я простила, а его не прощаю... Какой грех-то... какой грех-то! (*Громко.*) Огуревна!

Входит Огуревна.

Ераст в передней?

Огуревна. Там, матушка.

Вера Филипповна. Ну так... (*Задумывается.*)

Огуревна. Что, матушка?

Вера Филипповна. Пусть он... пусть он войдет сюда.
Огуревна уходит. Входит Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вера Филипповна и Ераст.

Вера Филипповна. Здравствуй, Ераст!

Ераст. Честь имею кланяться.

Вера Филипповна. Как ты поживаешь?

Ераст. Лучше требовать нельзя; место имею отличное, две тысячи рублей жалованья получаю.

Вера Филипповна. Ну, слава богу! Очень рада за тебя.
(Молчание.) Ты меня зачем-то хотел видеть?

Ераст. Точно так-с.

Вера Филипповна. Зачем же? Ведь уж ты теперь не нуждаешься.

Ераст. Я пришел затем-с... вот чтоб сказать вам, что я хорошо живу.

Вера Филипповна. Ну, спасибо тебе. Это радость для меня немалая.

Ераст. Да еще...

Вера Филипповна. Зачем еще-то?

Ераст. Пожалеть вас.

Вера Филипповна. Что ты, бог с тобой. Нашел кого жалеть! Я так счастлива, как в раю живу!

Ераст. Так ли-с?

Вера Филипповна. Чего мне еще? Я теперь полная хозяйка всему, у меня больше, чем надо – на добрые дела тратить могу, сколько хочу. Какого ж еще счастья?

Ераст. И, значит, вы живете в полном удовольствии?

Вера Филипповна. В полном удовольствии, Ераст.

Ераст. А я так понимаю, что вы только сами себя обманываете.

Вера Филипповна. Да что с тобой? Как ты знать можешь? Я сама-то себя лучше знаю.

Ераст. Не знаете. Вы очень любите людей-с и полагаете, что этого довольно?

Вера Филипповна. Да, конечно, довольно.

Ераст. Нет, мало-с. Ежели я кого люблю, а меня на ответ не любят, так какое же мне удовольствие!

Вера Филипповна. Ты про другое говоришь; ты про то говоришь, чего я знать не хочу.

Ераст. Нет, не про то самое. Вы теперь всех людей любите и добрые дела постоянно делаете, только одно у вас это занятие и есть, а себя любить не позволяете; но пройдет год или полтора, и вся эта ваша любовь... я не смею сказать, что она вам надоест, а только зачерствеет, и все ваши добрые дела будут вроде как обязанность или служба какая, а уж душевного ничего не будет. Вся эта ваша душевность иссякнет, а вместо того даже раздражительность после в вас окажется, и сердиться будете и на себя и на людей.

Вера Филипповна. Правда ли это?

Ераст. Зачем же я буду лгать. Я лгать пробовал, да ничего хорошего не вышло, так уж я зарок дал. А если бы вы сами настоящую любовь и ласку от мужчины видели, совсем дело другое-с; душевность ваша не иссякнет, к людям вы не в пример мягче и добрей будете, всё вам на свете будет понятней и доступней, и все ваши благодеяния будут для всякого в десять раз дороже.

Вера Филипповна. Может быть, это и правда; да что ж делать-то, нельзя.

Ераст. Я так думаю, что можно. Отбросьте гордость; не гоните того человека, который вас полюбит, не обижайте его!

Вера Филипповна. Я замужняя женщина.

Ераст. Так что ж за беда! Потап Потапыч уж не жилец на свете, доктора говорят, что он больше месяца не проживет. Притом же если умный человек, так он поймет ваше теперешнее положение, будет себя вдали держать и сумеет благородным образом своего термину дожидаться.

Вера Филипповна. Ты давно ли так умен-то стал?

Ераст. Давно-с. Я не то что другие из нашего брата, которые только и знают, что по трактирам шляться; я все больше к умным да к образованным людям в компанию приставал; хоть сам говорить с ними не могу, так по крайней мере от других занимаюсь.

Вера Филипповна. Да, умные твои речи, только слушать их грех.

Ераст. Как вы, однако, греха-то боитесь! Вы, видно, хо-

тите совсем без греха прожить? Так ведь это гордость. Да и какая ж заслуга, ежели человек от соблазну прячется? значит, он на себя не надеется. А вы все испытайте, все изведите, да останьтесь чисты, непорочны – вот заслуга.

Вера Филипповна. Ох, да!

Ераст. От врагов прячутся-то, а не от тех, кто любит. Поверьте душе моей, что кто вас истинно любит, тот злодеем вашим не будет.

Вера Филипповна. Да хорошо, хорошо, я верю.

Ераст. Так будьте хоть несколько понисходительнее к тем, кто вас любит.

Вера Филипповна. Хорошо, хорошо, мы об этом после поговорим.

Ераст. Значит, вы мне позволяете навещать вас хоть изредка.

Вера Филипповна. Что ж, заходи... только я редко свободна бываю.

Ераст. Уж я найду время. Так я буду в надежде-с?

Вера Филипповна. Не знаю, Ераст, на что ты надеешься; только надежды отнимать я не буду у тебя. Надежду отнимать у человека – грех... Прощай, Ераст.

Ераст. Если я что вам неприятное... так извините-с.

Вера Филипповна. Нет, что ты! Скорей же я... Меня извини.

Ераст вздыхает, кланяется и уходит. Вера Филипповна сидит у стола в задумчивости. Из двери налево входят

Аполлинария Панфиловна, Каркунов; одной рукой опирается на палку, под другую его поддерживает Халымов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, Каркунов и Халымов.

Аполлинария Панфиловна. Кресло Потапу Потапычу, кресло!

Вера Филипповна берет кресло от письменного стола и ставит на середине комнаты. Каркунов садится.

Каркунов (*дрожащим голосом*). Любезная супруга моя, Вера Филипповна... я вот сейчас... торжественно... потому, кум, кума, Аполлинария Панфиловна, вы знаете, как мои чувства, ежели насчет души моей... как ее устроить... значит, чтоб на вечное поминовение... я не могу сам; а все она, все она. (*Утирает слезы.*) Торжественно объявляю... (*Достает из кармана бумагу и передает Вере Филипповне.*) На, возьми! Все, все предоставляю... Теперь выгони ты меня, дурака, из дому-то! Все твое, все... дарственная... Я гость у тебя, а ты хозяйка. Поди сюда поближе, нагнись ко мне! Я тебе шепну на ухо!

Вера Филипповна нагибается.

Ты возьми да выгони меня из дому! Так, мол, вас и надо, дураков старых, женолюбивых. Кум, кума, нет... она меня не выгонит... Как она об душе моей хлопочет... все меня бла-

годарить приходят, земно кланяются; а за что, я и не знаю.

Вера Филипповна. Я, Потап Потапыч, за Константина Лукича долги заплатила.

Каркунов. Вон, вон, слышите, слышите?

Вера Филипповна. Я ему вашим именем, Потап Потапыч, пенсию положила пятьдесят рублей в месяц.

Каркунов. Что для души-то моей делает! *(Утирает слезы.)* А мне бы не догадаться, не догадаться.

Вера Филипповна. Он приказал благодарить вас.

Каркунов. Да, да, вот; владей... владей всем!

Вера Филипповна. Потап Потапыч, при вашей жизни, продли вам бог веку, я исполнять вашу волю с радостью готова; искать бедных, утешать их, помогать им я нисколько не считаю себе в тягость, а даже за великое счастье. И благодарю вас, что вы наградили меня таким счастьем.

Каркунов. Кум, кума, слышите?

Вера Филипповна. И когда бог по вашу душу пошлет, и тогда я готова до самой своей смерти непрерывным подаянием вашу душу поминать, только дарственную вы от меня возьмите и откажите ваше имение кому-нибудь другому.

Каркунов. Что это! Обижает ведь она меня, обижает... На коленях ведь я тебя буду просить, на коленях... *(Приподнимается.)*

Вера Филипповна. Никакого зароку, никакой клятвы я не дам.

Каркунов. Как, как ты говоришь?

Вера Филипповна. Я вам откровенно скажу, я замуж пойду.

Каркунов. Змея, змея! *(Падает в кресло.)*

Халымов. Зачем было говорить!

Аполлинария Панфиловна. К чему это похвасталась!

Делай после что хочешь; а пока молчала бы.

Вера Филипповна. Не могу я лгать, не могу.

Каркунов. Нет, нет. Она моей смерти ждет, моей смерти радоваться будет.

Вера Филипповна. Неправда, я вашей смерти радоваться не буду. *(Отходит к стороне и, отвернувшись, плачет.)*

Каркунов. Так не дожидаться ей, не радоваться. *(Быстро поднимается.)* Я ее убью. *(Подымает палку.)* Пусть умирает прежде меня.

Халымов. Кум, кум, что делаешь?

Каркунов. Прочь! Между мужем и женой посредников нет. *(Подходя к Вере Филипповне.)* Так ты моей смерти ждешь? Гляди на меня! Гляди на меня!

Вера Филипповна *глядит на него.*

Убить ее, люди добрые, убить? Убить тебя, а? *(Глядит ей в глаза, бросает палку, весь дрожит и едва держится на ногах. Вера Филипповна его поддерживает, Каркунов смотрит ей в глаза, потом прилегает к плечу.)* За пятнадцать-то лет любви, покоя, за все ее усердие убить хотел. Вот какой я добрый. А еще умирать собираюсь. Нет, я не убью ее, не убью и не свяжу... Пусть живет, как ей угодно; как бы она

ни жила, что бы она ни делала, она от добра не отстанет и о душе моей помнить будет.

Вера Филипповна подводит его к креслу и сажает его. Все окружают Каркунова. Вера Филипповна становится на колени подле него.

Владей всем, владей! Тебе и владеть! А я должен благодарить бога, что нашел человека, который знает, на что богатым людям деньги даны и как богатому человеку проживать их следует, чтоб непостыдно мог стать он перед последним судом.